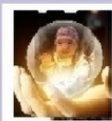
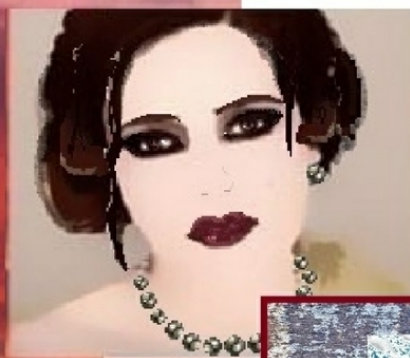

Лариса Ильина

С неба женщина упала

иронический детектив

16+

Лариса Ильина

С неба женщина упала

«ЛитРес: Самиздат»

2001

Ильина Л. А.

С неба женщина упала / Л. А. Ильина — «ЛитРес: Самиздат»,
2001

Что можно приобрести в Московском метро? Вы думаете – проездной билет? Бесплатную газету? Нет, иногда здесь можно получить что-то гораздо более ценное... и гораздо более опасное... Но об этом еще не знает Алевтина, однажды выбравшая не самое удачное время для поездки! Странный замшевый мешочек окажется у нее в руке, исчезнет паспорт, а привычная жизнь полетит кувырком, да так, что угнаться за ней не смогут ни враги, ни друзья. Кровавый след потянется за таким «царским» подарком, и кто теперь ей друг, а кто враг - разобраться будет непросто! Без сокращений.

– Этого просто не может быть! – в сердцах воскликнула я, с досадой вешая трубку телефона-автомата. – Что за день?!

Выйдя из будки, я со злостью пнула подвернувшуюся под ноги пустую банку из-под кока-колы.

«Если день так начинается, то как он закончится?»

Придется топать к метро. Машина мне сегодня нужна до зарезу, а документы на нее до сих пор пребывали в портмоне моего дражайшего супруга.

Обогнув цветочную палатку, я чуть задержала дыхание и шагнула в плотный людской поток, вливающийся в распахнутые двери самого знаменитого в мире метрополитена. Предмет особой гордости каждого истинного москвича исправно заглатывал порции непрерывно прибывающих пассажиров, спешащих как можно скорее втиснуться в плотно набитые по случаю утреннего часа пик вагоны. Попад в вестибюль метро, я крепко прижала к себе сумочку и двинулась наискосок людского потока, рассчитывая пробраться к висящим на стене телефонным автоматам. Хотя последние годы я редко пользовалась метро, навыки, приобретенные в детстве, не пропали, и я вынырнула из потока точно там, где хотела.

Бегло оглядевшись вокруг, поняла, что мой любезный супруг в условленное место не прибыл. Этот факт несколько не улучшил моего настроения, уже основательно испорченного с самого раннего утра его ближайшими родственниками. Я сурово оглядела всех стоящих поблизости и, весьма деликатно сдвинув обнимающуюся молодую парочку, уселась на широкий белый подоконник. Длинноволосая девица глянула на меня с вызовом, но я ответила ей чем-то средним между улыбкой и оскалом, сдвинула брови, и та отвернулась, так и не озвучив своих претензий. Я одобрительно покивала ей, потому как сейчас связываться со мной было опасно – я бы и сама не рискнула. Таким образом мы мирно поделили подоконник пополам, и каждый занялся своим делом: влюбленные обнимались, а я разглядывала проносящуюся мимо толпу.

Минут через десять голова пошла кругом, беспрестанное мельтешение перед глазами вызывало тошноту, и я готова была взорваться от злости, костеря про себя мужа всеми известными ругательствами. Мало того что два дня назад супруг испробовал на прочность фонарный столб, с незапамятных времён стоявший на повороте к нашему дому, что само по себе событие не столь уж значительное, но, к великому сожалению, в тот самый момент Антон Николаевич находился за рулем моей машины. Чем так досадил этот фонарь моему мужу, осталось тайной, покрытой мраком, поскольку супруг возник на пороге квартиры пьяным в стельку, что не помешало ему держаться весьма уверенно и утверждать, что он капли в рот не брал. Обычно это было сущей правдой, так как пить Антон не умел, не мог и не любил. После второй рюмки он тихо сворачивался где-нибудь калачиком, и весь оставшийся вечер его не было ни видно, ни слышно. Это всех вполне устраивало, ибо после первой рюмки муж обычно принимался с выражением читать стихи собственного производства. Ему быстренько наливали вторую, и он засыпал. Что подвигло его на сей раз сесть пьяным за руль, а также с кем именно он набрался, осталось неизвестным, но в принципе это мало что меняло: правое крыло моей ласточки выглядело плачевно, фара же вообще никак не выглядела – ее просто не было.

Созерцание на пороге квартиры пьяного Антона повергло в шок его маму, Веронику Александровну, особу весьма оригинальную и непредсказуемую. Пока я отгоняла в гараж побитую машину, героическая мать нашла в себе силы раздеть и уложить в постель глупо хихикающего сыночка. Когда я появилась на пороге, свекровь обожгла меня испепеляющим взглядом и молча удалилась в свою комнату. Весь остаток вечера она провисела на телефоне, сообщая последние известия всем родным и знакомым. Я несомненно фигурировала в новостях таким злым гением и, хотя разговоров ее не слышала, вскоре убедилась, что это именно так.

Утром муж выглядел несчастным и больным, мама трагически вздыхала, беспрестанно прижимала голову сыночка к груди и роняла скупые слезы на начинающую уже лысеть голову ребенка. Ребенок чувствовал себя виноватым, часто на меня моргал и клялся в течение ближайшего часа отогнать машину знакомому умельцу, который наилучшим образом поправит все вмятины. Не желая ввязываться в очередную затяжную склоку, я покивала любимому головой и отправилась на работу на метро. В пять супруг перезвонил мне, обрадовал сообщением, что слово свое (в кои-то веки!) сдержал и завтра машина непременно будет готова. Я воспрянула духом, посчитав, что после этого происшествия муж, возможно, возьмется за ум и, воодушеваясь хорошим примером, сделает еще что-нибудь путное.

Вернувшись поздно вечером домой на полусогнутых, я водрузила сумку с продуктами на кухонный стол, наивно понадеявшись, что мои новоприобретенные родственники уже спят. Я вышла замуж за Антона всего три месяца назад, проживали мы совместно с его матерью, хотя могли бы жить в моей квартире. Конечно, три месяца для супружеской жизни не срок, однако последнее время меня все чаще посещали мысли о том, что жизнь превратилась в нечто фантазмагорическое, расплывчатое и весьма мне самой непонятное.

Итак, я водрузила сумку на стол, мельком глянула на часы, успев отметить, что уже пошел двенадцатый час, и оглянулась на скрип открываемой кухонной двери. К безмерному моему удивлению, в дверном проёме показалось насуспенное личико Светули, родной сестры моего мужа, особы двадцати семи лет, не обремененной ни семьей, ни работой, ни даже завалящей канарейкой. Вслед за хранящей молчание родственницей протиснулась свекровь, скорбно поджимая губы и машинально поправляя сложнейшее сооружение на голове. Прическа являлась предметом гордости Вероники Александровны, из-за нее моя свекровь, в настоящий момент генеральская вдова, всю жизнь спала на животе, положив подбородок на сцепленные ручки. Убедившись, что «вавилонны» ее находятся в полном порядке, она молча прошла мимо меня, взяла с полки чайные чашки, сахарницу и печенье.

– Садись, Светуля, – проронила она едва слышно и продублировала приглашение жестом.

– Добрый вечер, – машинально сказала я, гадая, что означает этот спектакль и что делает дорогая золовка в нашем доме в столь позднее время.

У нее имелась своя собственная двухкомнатная квартира на Беговой, где, по моему разумению, она и должна была сейчас находиться:

Ответом на мое приветствие были два едва различимых кивка, сопровождаемых символическим поворотом головы. С трудом сдержавшись, я вышла, в который раз дав себе слово не обращать внимания на подобные выходы, возможно, у нашей старой девы возникли проблемы, которыми она собиралась поделиться с матерью.

Но проблемы, как выяснилось наутро, появились у меня.

Не успела я ещё сварить кофе, как из комнаты показался заспанный Антон.

– И мне сварь, – попросил он, скрываясь за дверью туалета.

– Не забудь мне документы отдать, – напомнила я ему через некоторое время, – мне сегодня машина до зарезу нужна!

– Конечно, – отозвался муж, увлеченно поглощая бутерброды с сыром.

Сыр являлся его слабостью, если говорить честно, далеко не единственной.

– Отдай сейчас, забудешь ведь.

– Никогда! – Антон чмокнул меня в щеку и заглянул в глаза. – Алевтина, сделай ещё один!

– Тебе вокруг дома бегать надо, а не бутерброды трескать, – сурово отозвалась я и потянулась к маслу.

Все равно не отстанет. Сам он этого делать не умеет, а мамы по случаю раннего часа рядом нет. Но сегодняшнее утро во всех отношениях было необычным, и минут через пять на кухне собралось все святое семейство.

– Какую ночь не сплю! – трагически сообщила нам Вероника Александровна и тяжело опустилась на табурет.

Внимание, с которым заботливая дочь склонилась к страдающей матери, ясно дало понять, что разыгрывается очередной семейный спектакль, спланированный и отрепетированный загодя.

– Почему, мамочка?

В течение следующих пяти минут мамочка поясняла причины поразившей ее тяжелой бессонницы, которая, впрочем, не помешала ей храпеть так, что общая с ее комнатой стенка нашей спальни сотрясалась от переливчатых львиных раскатов. Вероятно, это была какая-то особая, озвученная бессонница, посещающая лишь особо одаренных и достойных.

Суть напасти крылась в следующем: положительный и достойный во всех отношениях ранее ее сын Антон по какой-то весьма загадочной и непонятной причине вдруг стремительно покатился под гору, начал спиваться и перестал писать что-либо достойное его истинного таланта. Затем слово взяла родная сестра поэта, стесняющаяся в выражениях гораздо меньше, чем маменька. Тем временем истинная причина всех этих бед и напастей на несчастную семью внимательно выслушивала все произносимое дорогими родственниками и медленно наполнялась не то что злобой, а самой что ни на есть черной ненавистью. Сам виновник тихо сидел в сторонке, понутив головку, затем с завидной ловкостью и вовсе с кухни исчез, словно бы растворился. Сраженная таким коварством супруга, я некоторое время молчала, затем, смахнув предварительно со стола все, что на нем было, взяла ответное слово, заставившее обеих женщин открыть рот и одновременно умолкнуть.

По этой самой причине я покинула квартиру в самом скверном расположении духа, сообразив лишь возле метро, что документы на машину Антон мне так и не отдал. Я взревела как раненый носорог и, спугнув с насиженного места двух алкашек, направилась к телефону. Взяв с мужа слово, что он доставит документы к метро в самое ближайшее время, направилась в магазин, рассчитывая, что пятнадцать минут в запасе у меня есть. Вернувшись, решила перезвонить, чтобы узнать, вышел ли он уже из дома, но в трубке упорно раздавались частые гудки.

Итак, я вышла на свежий воздух и пнула ни в чем не повинную пустую банку.

Через сорок минут сидения на жестком подоконнике, сделав глубокий вдох, затем выдох, я прыгнула с насеста и подошла к висящим в вестибюле метро телефонам. Меня колотило от злости, но разрядиться возможности не представилось, номер был по-прежнему наглухо занят. Пойти навстречу Антону я опасалась, слишком велика была вероятность разминуться. Добраться от нашего дома до метро можно было менее, чем за десять минут, но несколькими дорогами, и какую из них изберет мой супруг, угадать невозможно. В принципе мне почти никогда не удавалось предугадать, что совершит мой муж: для обычных, человеческих поступков он был слишком творческой натурой. В результате присущего ему творческого подхода моя машина оказалась в автосервисе, не имеющем телефона и расположенном на противоположном конце города. И если до сего момента я все еще лелеяла надежду, что сумею забрать ее до обеда, то с каждой последующей минутой эта надежда таяла.

Утренний наплыв пассажиров потихоньку иссякал, устали обниматься мои соседи по подоконнику, а я все стояла, поминутно выглядывая в окно, опасаясь, что супруг перепутает телефоны, возле которых мы должны встретиться. Наконец в окне мелькнула знакомая зеленая ветровка, и супруг расположился возле уличных автоматов, недоуменно вертя головой. Я досчитала про себя до десяти, и вышла на улицу.

– А я тебя жду, жду... – Протягивая мне документы, муж заискивающе улыбнулся и чуть попятился назад.

– Ты где встал? – спросила я тихо, стараясь вести себя максимально сдержанно.

– У телефонов, где же еще... Ты же сама просила! – изумился мой супруг, а я вдруг поняла, что орать и объяснять ему что-либо бесполезно.

– Ты сюда целый час добирался? – все же не сдержалась я, а Антон сразу встрепенулся и восторженно принялся объяснять:

– Да ты понимаешь, Кулешин позвонил. Я сначала удивился, а он говорит, что мой сборник взял посмотреть Черепикин. Представляешь, чем это может закончиться?

Я кивнула. Закончится, вероятнее всего, как обычно: подборка гениальных стихов полетит в черепикинском кабинете в мусорную корзину. Но муж просто светился от счастья, поэтому вслух я сказала совсем другое:

– Ладно, я опаздываю. Пока!

Муж махнул мне ручкой, и мы, развернувшись в разные стороны, направились каждый по своим делам.

Спускаясь по эскалатору, я размышляла, почему же моя семейная жизнь, толком еще не начавшись, начинала, похоже, разваливаться по всем швам. Проблемы и препятствия возникали у нас практически на каждом шагу, причем, как правило, на пустом месте.

Самая большая проблема моего мужа и его сестрички, а главное, их мамы Вероники Александровны заключалась в том, что любвеобильная мать сумела внушить своим чадам, что они талантливы. И не просто талантливы, а гениальны. Но кто из смертных может признать гения в своем современнике? Конечно, никто! Ее Светуля, одарённая, необычайно впечатлительная и ранимая натура, волею господней вынужденная прозябать в сером безликом обществе... Врожденная вредность и склонность любимой дочери не принимались во внимание никоим образом, даже намек на это считался святотатством и богохульством. И если бы свекрови пришлось в голову поинтересоваться моим мнением, я, пожалуй, смогла бы объяснить, отчего моей золовке, достигшей весьма зрелого возраста, никак не удастся выйти замуж.

А Антон?! Ах, Антон! В три годика он вышел к гостям, трогательно залез на стульчик и трогательно прочитал стихотворение Пушкина. Что был за стишок, Вероника Александровна точно не помнила, на моей только памяти было три разных варианта. Но подобная мелочь не помешала и в дальнейшем гениальному сыну гениально декламировать гениальные стихи. Как правило, чужие. Свои иногда появлялись, но достаточно редко. И, вероятно, остались бы незамеченными, если бы мать гения не хватала телефонную трубку и не обзванивала всех знакомых по списку, с чувством зачитывая им новое произведение.

Одна из моих приятельниц как-то пожаловалась мне на тяжкие телефонные творческие вечера, которые она стоически выдерживала не один год. Я с гением не была знакома, но проделки его мамочки чрезвычайно меня рассмешили, и я предложила приятельнице пригласить его на открытие выставки питерских художников Игоря Сельцова и Леонида Карасашьянца в галерее, где я работала.

Мое необдуманное решение вышло мне боком.

Народу на открытие выставки пришло столько, что я стала волноваться, как бы залы не превратились в подобие автобуса в час пик. Но все каким-то образом уместились, и мой партнер Семен Абрамович, сияя, словно солнце, лысой макушкой, радостно мне подмигивал, потирал пухленькие ручки, и весело качал головой.

Выставка удалась. Толпы искушенных в этом деле созерцателей небольшими стадами бродили по залам, урывками переговаривались, скрестив на груди руки, приседали, приближались к картинам, отходили и подходили снова, словно надеясь найти там глубинный смысл,

доступный лишь их утонченному пониманию. Все это здорово походило на некий обрядовый танец и выглядело чрезвычайно солидно.

Карасашьянец был уже признанным мастером, его выставки проходили с неизменным успехом и сегодняшний вечер не был исключением. Мэтр вел себя солидно, с улыбкой отвечая на рукопожатия и поздравления, и с удовольствием раздавая автографы. Совсем другое дело было с Игорем Сельцовым. Он выставлялся первый раз в жизни. Несмотря на многочисленные увещания доброжелателей, у меня хватило смелости послать их всех к чёрту и поверить в счастливую звезду парня. Я не ошиблась и выиграла. Успех был невероятный. Семён Абрамович, вытянув меня за руку из середины восторженной толпы, улыбаясь, качнул головой:

– Ты, Алевтина Георгиевна, умница. Ты не просто нашла, ты зажгла звезду!

А он всегда знал, что говорил.

Вскоре я заметила в дверях зала высокого молодого человека, словно сошедшего с обложки модного журнала. Безупречный вкус, классика. Эффект потрясающий. Это был наш щедрый спонсор. Нет, гораздо правильнее называть его меценатом. Без всяких условий он перечислял на счет галереи суммы, вызывающие уважение и даже некоторую робость. До его появления наша галерея выглядела гораздо скромнее.

Я нацепила улыбку и пошла навстречу дорогому гостю, который уже начал тревожно оглядываться по сторонам.

– Здравствуйте, – опустив ресницы, мурлыкнула я. – Очень вам рады...

– Алевтина Георгиевна! Я уж решил, что в такой толпе мне вас не разыскать... – Он обрадованно вздохнул.

– Неужели меня не различить в толпе...

Гость перепугался:

– Что вы, что вы! И в мыслях не держал...

Поговорив таким приятным образом несколько минут, я занялась делом. Познакомила гостя с Леонидом Карасашьянцем, затем провела по всем залам и представила тем, кому считала нужным. Потом подозвала Игоря, перед тем приватно сообщив своему гостю о том, что цены на работы этого мальчика вырастут вдесятеро, после того как покинут стены галереи. Представив их друг другу, я вежливо покинула кавалеров. Мне нужно было переброситься парой слов с каждым присутствующим, чтобы никто не счёл себя забытым. Вскоре пробегающий мимо Игорь шепнул мне, что ему предложено продать двенадцать картин, а также посетить офис нашего мецената. Тот делал ремонт и хотел, чтобы Игорь предложил ему несколько работ, подходящих для интерьера.

– Не упусти! – пожелала я ему.

Тут меня разыскал и наш дорогой гость, повторив то же самое. Я уверила его, что это прекрасный выбор. Впившись взглядом в моё лицо, он отчётливо произнёс:

– Я всегда нахожу всё самое лучшее...

Чуть опустив ресницы, я мягко, едва заметно улыбнулась... Так, долгий лучистый взгляд... Порок и невинность, загадка, разгадать которую по силам только тебе... Зафиксировали. Раз, два... И откуда же это у нас было? Ах, да! Джоконда!

Я не круглая дура и прекрасно знала, «о чём поёт ночная птица»... Не зря длинные языки утверждали, что спонсор не слишком хорошо разбирался в искусстве, скорее отдавал дань моде. И пользы, по крайней мере, материальной, от галереи он не только не получал, но даже ею и не интересовался. Интересовался он, собственно, мной, и мы оба успешно делали вид, что совершенно этого не понимаем.

Итак, ведя разговор, полный таинственных намеков и недомолвок, мы мирно стояли в середине зала, держа в руках по бокалу шампанского. Как вдруг эта захватывающая идиллическая беседа была прервана самым оригинальным образом. На мне было новое декольтированное платье, купленное как раз по случаю торжества. И вот неожиданно я почувствовала...

то есть не помню, что я почувствовала, но, вытаращив глаза и намертво стиснув зубы, рухнула прямо в объятия несколько опешившего собеседника, едва не выскочив из своего платья. Через пару секунд стало ясно, что же произошло. Позади нас стояла молодая пара. Кавалер в пылу творческого озарения, декламируя даме строки своих бессмертных произведений, выплеснул в припадке гениальности мне на спину бокал ледяного шампанского... Так я познакомилась со своим вторым мужем. После этого происшествия каждый вечер в моей квартире стали раздаваться звонки с извинениями и стихами. Чтобы покончить с этой пыткой, я не придумала ничего умнее, как выйти за него замуж. И вот тут-то началось...

– Назвать меня корыстной сукой! А кто же тогда она? Ну, конечно, не то чтобы я совсем не была сукой, каждая женщина иногда ею бывает, но уж чья бы корова мычала... – Я опять вспомнила раскрасневшуюся Светулю, как звала ее матушка, и рассмеялась.

Пассажиры словно по команде повернули ко мне головы, недоумевая, кому это в вагоне так весело. Рассудив, что действительно выгляжу странновато, я вздохнула и стала смотреть в окошко. Но, как известно, в метро пейзаж за окном большим разнообразием не отличается, поэтому через пару минут я развернулась, и стала ненавязчиво разглядывать попутчиков. Народу было не очень много, за время моего ожидания основной поток схлынул. Почти все сиденья напротив были заняты мужчинами весьма разнообразного вида, возраста и национальностей. Объединяло их лишь одно – непреодолимый повальный сон. При появлении на очередной станции женщин с тяжелыми сумками в руках самые впечатлительные представители сильного пола даже начинали всхрипывать.

«Мужик какой хилый пошел!» – подсадовала я, с огорчением разглядывая ряды хлюпиков.

Недалеко от дверей, у которых я стояла, сидела благообразная бабулька с огромной авоськой. Рядом, небрежно закинув ногу на ногу, сидела девушка в наушниках. Глаза ее были закрыты, а губы беззвучно шептали, видимо, повторяя слова песни. А, может быть, она учила иностранный язык, судя по количеству металлических фенечек, колечек, браслетов, а также пирсинга, украшавшего самые неожиданные части тела девушки, это могло быть нечто туземно-папуасское. Бабулька с авоськой явно терзалась отсутствием достойного собеседника, с которым она могла бы обсудить внешность экстравагантной особы. Она ёрзала, вздыхала, качала головой в надежде, что дремлющий по другую от неё сторону мужик одумается и уступит место более подходящей кандидатуре...

Вот забавный карапуз, усердно скачущий на коленях молодого интересного мужчины, вероятно, родителя. Невзирая на все попытки его усадить, дитя явно придерживалось на этот предмет собственного мнения, умудрившись испачкать крохотными ботиночками не только родного отца, но и всех окружающих в радиусе метра. Выбрав, наконец, удобный момент, малец вдруг резко распрямился, словно пружина и, выскочив из отцовских рук, припустил в другой конец вагона. Несчастный отец с воплем бросился за ним следом, а на освободившееся место плавно втёк прыщавый молодой человек с длинными невымытыми волосами.

Закончив осмотр пассажиров, и не найдя более ничего интересного, я вспомнила об Антоне. Хорош, нечего сказать! Молча удалился с кухни, словно сосед по коммуналке! Я начала злиться, вспоминая поведение своего непутевого мужа. И на черта он мне, спрашивается, сдался? Муж – это кто? Правильно, защитник и добытчик, любящий мужчина. Защитника, как видно, не получается, добытчик тоже, извините, я! Что же остается? Любящий мужчина? Скоро я буду принимать это не иначе как со смехом. Почему-то вдруг стало так горько и обидно, что я едва сдержала слезы.

«Что за ерунда? – подбодрила я себя. – Чего ты скисла?»

– Станция... – бодрым голосом объявила диктор.

«Плевать, – продолжила я. – Пусть я и змея, и эгоистка. Зато вы все тоже узнали, кто вы есть на самом деле».

Я с удовольствием вспомнила вытянутые физиономии моих дорогих родственников в тот момент, когда покидала пределы любимого семейного очага. Но удовольствие продлилось недолго. Я вдруг почувствовала неприятное чувство то ли страха, то ли беспокойства.

«Что это со мной?» – повернувшись лицом к стеклянной двери, я посмотрела на свое отражение.

Вроде все на месте и неплохо выглядит. Тут я всей кожей ощутила на себе чей-то взгляд. Не тот оценивающий или любопытный, которым каждый вольно или невольно оглядывает стоящих рядом людей, а нечто совершенно необычное. Мне показалось, что он почти что осязаем.

«Стоп, – сказала я себе – стоп! Без паники!»

Знай я в тот момент, что такое настоящая паника, то, конечно, стремглав выбежала бы вон из этого вагона.

Я стала осторожно оглядываться вокруг, пытаюсь определить: кто же так напряженно наблюдает за моей скромной персоной? Но мои попытки успехом не увенчались. Никто не пытался встретиться со мной глазами, никто не отворачивался слишком поспешно. Лица были спокойны и равнодушны.

– Осторожно, двери закрываются! Следующая... – все так же энергично возвестило радио.

«Моя! Слава богу, конец этому безобразию!» – обрадовалась я и, как выяснилось, напрасно.

Решительно пробираясь к выходу, я почти уже достигла цели, когда моя впечатлительная и отзывчивая душа столкнулась с проблемой, не решить которую я не могла. Рядом с дверью, держась одной рукой за поручень, а другой за живот, стояла беременная женщина. Лоб ее покрыла испарина, она явно чувствовала себя плохо, но никто не уступал ей места в надежде, что это сделает кто-то другой.

– Вы будете сейчас выходить? – спросила я, тронув ее за локоть.

Она не ответила, только отрицательно покачала головой. Этого для меня было вполне достаточно, чтобы обнаружить черту характера, которую я называю состраданием. Набрав в легкие достаточно воздуха, в относительной тишине вагона я громко задала вопрос:

– Да что же это делается?

Стоящие рядом пассажиры с готовностью развернулись, явно желая узнать, что же интересного происходит. Убедившись, что завладела вниманием аудитории, я повернулась к сплошным рядам сидевших мужчин.

– Ну что, неспящих совсем нет?

Но народ попался тертый. Быстро сообразив, о чем идет речь, некоторые джентльмены захрапели так виртуозно, что более впечатлительная натура, чем я, могла бы подумать, что они и правда спят. Однако некоторые среагировали более человечно, освобождая место несчастной женщине, а один даже принес извинения от себя лично и от имени всех присутствующих, чем настолько меня растрогал, что я чуть не прозевала свою станцию. Все это меня несколько отвлекло, но, поднимаясь по переходу на пересадку, я ощутила – опять. В горле противно запершило, я закашлялась. Пройдя в конец платформы, огляделась.

«Показалось, все нервы мне истрепали, вот и дергаюсь».

Через мгновение в тоннеле сверкнули фары поезда, мелькнуло сосредоточенное лицо машиниста, я еще раз огляделась и вошла в вагон. Народу в нем было достаточно. Вагоны на этой ветке старые и душные, поэтому я постаралась сразу пробраться поближе к открытому окну.

Уцепившись за поручень, я устроилась поудобней, вздохнула и тут услышала тихое:

– Эй!

Это было странное, тревожное, совсем ненужное слово, сулившее мне только одни неприятности.

– Только, пожалуйста, не поворачивайся и не пугайся, ладно? – Голос звучал глухо. – Я ничего плохого не сделаю, не думай. Но... ты должна мне помочь...

Ни больше, ни меньше! По большому счету, я даже не удивилась. Я должна! Да я всю жизнь всем должна! Вот если бы сказали:

– О, фея неземная! Исчезаешь... Как свет луча во след тебе идёт... – вот тут бы я удивилась, а так...

Физиономия у меня, что ли, слишком глупо выглядит? Ну, всем я должна помочь! Мужу, свекрови, соседке, селёдке в банке... Вот жизнь!

– Молодец, не испугалась, не ошибся, – удовлетворенно продолжил мой неизвестный преследователь, как видно, созерцая мою не дрогнувшую, превратившуюся в железобетон спину.

Я перестала дышать, напряженно вглядываясь в свое собственное отражение в стекле.

– Я тебя еще в том вагоне распознал, деловая ты, как их всех построила!

Каких-либо вообще, а тем более таких лестных отзывов о своей подземной деятельности я не ожидала, поэтому выдержка мне изменила, и я оглянулась. Не знаю, кого я ожидала увидеть – косого, рябого, горбатого, – но голубоглазый паренек лет двадцати, почти на голову ниже меня, с шевелюрой цвета апельсина и частыми веснушками, меня озадачил. Несколько секунд мы молча разглядывали друг друга, а потом он заговорил быстро и очень тихо:

– Понимаешь, не могу я здесь долго бегать, не могу!

Я молча хлопала глазами, не успев сообразить, нужно радоваться этому обстоятельству или нет.

– Ты не дрейфь, делать-то тебе ничего не надо. Все будет нормально, поняла?

Ответить утвердительно на этот вопрос однозначно означало соврать, а я всю свою сознательную жизнь придерживалась мнения, что всегда нужно говорить правду... насколько это возможно... К тому же я готова была поклясться, что не видела этого огненного мальчишку в вагоне, из которого вышла.

– Видите ли... э-э-э... – начала я, пытаюсь донести до незнакомца, что я женщина кругом больная, робкая, местами даже с отклонениями от нормы и пугать меня нельзя.

Но столь трогательно, на мой взгляд, начавшаяся речь была прервана неожиданным, я бы даже сказала, неприличным поведением собеседника. Состав почти уже затормозил у следующей станции, когда Рыжий прохрипел мне в ухо:

– На, держи. – Я ощутила в своей ладони какой-то тряпичный сверток. – Только не потеряй, не потеряй. Я тебя сам найду, слышишь?

Он стал быстро пробираться к выходу, оставив меня стоять в оцепенении. Выскочив из вагона, он обернулся и повторил:

– Сам найду, сам... Не беспокойся, паспорт твой у меня.

Паспорт? Мой? У кого? Я не поверила своим ушам, но эта последняя фраза меня сильно обеспокоила. Какой-то маниакальной страстью к своему паспорту я не страдаю, но все же предпочитаю, чтобы он находился именно у меня. Немедленно заглянув в сумочку, я убедилась, что «молния» расстегнута, а документ, удостоверяющий мою личность, исчез... Первым желанием моей оскорбленной души было броситься вдогонку за вором. Но, подняв глаза и увидев спину убегающего обидчика, я замерла, и, уверяю вас, на это были свои причины.

Пробежав несколько шагов от вагона к выходу, Рыжий, вдруг вильнув, словно заяц, бросился обратно к дверям, затем вправо. Причину столь странного поведения парня я поняла через несколько мгновений, когда увидела бегущего к нему по вестибюлю станции высокого молодого человека в вызывающе длинном черном плаще. Слева у вагона показался еще один мужчина, который своей колоритной внешностью запросто мог бы с расстояния ста метров распугать целый класс воспитанниц воскресной школы. Он резво бросился наперерез Рыжему, схватил его за воротник куртки и рванул на себя. Рыжий сразу как-то обмяк, и было видно, что сопротивления он оказывать не собирается. Уже не спеша к ним приблизился высокий и спросил почти ласково:

– Ну, стручок, побегал?

Едва уловимое движение, и Рыжий вдруг сложился пополам, судорожно хватая воздух белеющими губами. Почти в ту же секунду последовал молниеносный крюк снизу, для незаинтересованного зрителя оставшийся практически незаметным. Рыжий, тяжело охнув, повис на руках мордоворота, и лицо его стало багровым. Неожиданно голова парня мелко затряслась, глаза закатились. Выглядело все это отвратительно, не реально, а как-то по-киношному. Невольные зрители в вагоне вздрогнули, раздался чей-то испуганный возглас, но никто не сделал ни единого движения. Двери нашего вагона захлопнулись, состав набирал скорость, безобразная сцена осталась позади. Какое-то время в вагоне царила гробовая тишина, затем кто-то пискнул:

– Безобразие! Куда милиция смотрит?!

Сердитый мужской бас что-то ответил, запричитала где-то в другом конце вагона старушка, граждане шевельнулись, вновь послышался привычный гул голосов. Возможно, я долго простояла бы в растерянном оцепенении, но неожиданно ко мне повернулась дородная дама в модном плаще красного цвета и назидательно пророкотала:

– Какие у вас друзья, девушка! Стыд!

И отвернулась с таким видом, что каждому в вагоне стало немедленно ясно, что у этой дамы таких друзей нет, и быть не может. Вагонная общественность окинула меня суровым взглядом, вздохнула и отвернулась, качая головой и бормоча что-то о нравах современной молодежи. При других обстоятельствах заносчивой толстухе пришлось бы долго сожалеть о том, что не в добрый час она зацепила высокую симпатичную брюнетку с обманчиво простой душной внешностью. Но сейчас... Я взяла таймаут и вышла на следующей станции.

Поднявшись наверх, и не совсем соображая, где нахожусь, я села на скамейку под акацией. Мне нужно было срочно решить, что думать о случившемся. Нервное напряжение не проходило, противное чувство беспокойства заставляло мое бедное сердечко чувствовать себя кроликом, попавшим в силос. Пара минут на свежем воздухе должна пойти мне на пользу.

Самое удивительное было то, что я не могла понять причину своего волнения. Нелогично думать, что современного жителя мегаполиса могли напугать пара оплеух или хороший апперкот, тем более к нему лично не относящийся. Но все-таки... Один очень умный человек всегда говорил мне:

– Если что-то выбивает тебя из привычного ритма жизни, а ты не можешь сразу определить что, – не ленись, подумай, разбери проблему по косточкам и сотри их в порошок.

Как всегда я решила не пренебрегать мудрым советом и, скромно скрестив ножки под лавкой, принялась рассуждать.

То, что я никогда раньше не видела Рыжего – это факт. Как я могла не заметить человека с такой шевелюрой? Но, судя по всему, мы ехали с ним в одном вагоне, и он слышал мое

публичное выступление. Или ему кто-то сказал? Кто? Их несколько? А эти двое на станции? Тут я почувствовала себя полковником Исаевым, и меня страшно потянуло на родину.

– Где-то далеко, где-то далеко идут грибные дожди-и-и... – тоненько и жалобно затагнула я и опомнилась.

Ну, что за гаерша, из всего цирк надо устроить! Тут дело серьёзное, можно сказать, трагическое. Правильно всегда говорила моя... Впрочем, неважно, что она говорила. Я снова сосредоточилась.

«Зачем Рыжий обратился ко мне? Похоже, без него самого это будет трудно выяснить. Для чего ему, чтоб он провалился, мой паспорт?»

На этой мысли я осеклась, потому что, вспомнив вид и настроение встретивших его ребятшек, решила, что шанс провалиться у Рыжего несомненно был.

«Так-так, – вдруг осенило меня, – а если они его обыщут и найдут мой паспорт? Хорошо, если решат, что мы с ним заявление в загс шли подавать, а если подумают, что я ему в чем-то помогаю? А я, бедняжка, девочка-ромашка, ни сном, ни духом... Стоп! Как не помогаю, а что же еще я делаю?»

Я судорожно схватилась за сумку, ругая себя за глупость. Так и есть! Во всей этой суматохе я совершенно забыла об этом свёрточке. Обнаружив пропажу паспорта, машинально сунула его в сумку, собираясь гнаться за вором. И то, что я сразу не вспомнила о нём, говорило о крайней степени растерянности.

Вытащив на свет божий кулёк, я увидела, что это замшевый мешочек с красивыми витыми кожаными шнурками. На обеих сторонах мешочка золотой нитью были вышиты замысловатые вензеля. Не раздумывая, я ослабила завязки, сунула пальцы внутрь и извлекла несколько прозрачных гранёных камешков размером с горошину...

Сердце мое громко ухнуло, стукнулось о рёбра и провалилось куда-то в район почек. Снова в горле запершило, дыхание перехватило. Тупо уставившись на свою ладонь, я просто-напросто:

– Этого не может быть! Этого не может быть, потому что может... не может... Ох! – окончательно упав духом, я замолчала.

Скажите мне, люди добрые, ну, почему в жизни всегда так: ищешь сокровища, хочешь разбогатеть, бьёшься, стараешься, так хоть бы финик с ветки упал. А тут идёшь себе тихонечко по улице или едешь, к примеру, в метро – и вдруг пристаёт к тебе рыжий поганец и втягивает в историю, разобраться в которой вряд ли хватит силёнок. Потому что камешки, безделушки, судорожно зажатые в моей руке, были не что иное, как бриллианты. А какой ещё, скажите, камень может вот так светиться и плакать у вас на ладошке? Я неплохо разбираюсь в этих вещах и сейчас отчаянно надеюсь, что это очень искусная подделка.

«Даже за самые-самые лучшие в мире стразы человека не будут гонять по московскому метрополитену словно зайца, – призналась я самой себе и с отчаянием проскулила: – Ну, что мне делать-то?»

Гениальная мысль бросить всё немедленно в ближайшую урну, слава богу, всё-таки не сработала, и я снова начала просчитывать варианты. Постепенно я успокаивалась, ведь главное в жизни – это успокоиться. Как говорится, кто до утра, а кто и навеки. Тьфу, дура.

«Не рви сердце, дорогая! Чего ты так расписывалась? Все путём! Все нормально! Все нормально! Конечно, надо признать неприятным факт неизвестного местонахождения твоего паспорта. Это, во-первых. Но это не самое страшное. Во-вторых, если эти цацки настоящие, то их будут искать и ещё как. Наверное, их уже ищут. Причем те самые дяденьки, что так неласково обошлись с Рыжим в общественном месте. И возможно, дяденок этих не два, а по два на каждой платформе. Судя по количеству и качеству этих камешков, можно поднять армию, чтобы...»

Моя мысленная успокоительная речь принесла свои плоды: ноги дрожали, во рту пересохло, сердце бухало, словно боевой тамтам, извещающий о начале военных действий. Чтобы не высыпать камни в пыль у скамейки, мне пришлось, не дыша, переложить их по одному обратно в мешочек. Крепко затянув шнурки, я положила его в сумочку. Потом подумала и решила спрягать более надежно: расстегнув пару пуговиц на блузке, я затолкала мешочек в бюстгальтер. Там можно было спрятать и не такую мелочь.

Как вскоре выяснилось, мои манипуляции не остались без внимания. Переведя дух, и собираясь подняться со скамейки, я вдруг услышала сзади над головой протяжное:

– Девющ-щка-а!

Этого моя издерганная нервная система не выдержала. Я подпрыгнула на лавке, затем резво вскочила на ноги, развернувшись на сто восемьдесят градусов, по-моему, еще в воздухе. Такой прыти мой новоявленный поклонник явно не ожидал. Он шарахнулся в сторону, затем, открыв рот, молча уставился на меня. Я тоже молча глянула на кавказца, собираясь выдать что-нибудь не оригинальное, но действенное. Но, представив, как удивили его мои козлиные прыжки, не удержалась и фыркнула. Парень расценил это как приглашение к продолжению знакомства, улыбнулся и хотел что-то сказать, но я, предупредив всякие фамильярности, строго погрозила ему указательным пальцем и сурово бросила:

– Цыц! – после чего повернулась к нему спиной и поплыла белым лебедем.

Пропетляв в волнении по переулкам, я, наконец, остановилась и огляделась. Решив уточнить местонахождение, завертела головой во все стороны, но определить на местности не смогла. На глаза, словно нарочно, не попалось ни одной вывески с названием улицы. Кафе, магазин «Продукты»... Что за ерунда, ориентируюсь я неплохо, и подобные казусы со мной бывают редко.

– Извините, – вежливо обратилась я к молодой мамаше с коляской, – не подскажете, как эта улица называется?

– Это Песчаная, а вам что нужно? – живо отозвалась общительная дама.

Она явно скучала, и ей хотелось поговорить.

– Спасибо, – я пропустила вопрос мимо ушей, про себя удивляясь своему состоянию.

Не все так плохо, здесь недалеко живет мой добрый институтский приятель, не зайти ли к нему в гости? Необходимо срочно перенести одну деловую встречу, она для меня слишком важна, чтобы ее проигнорировать. Но заниматься делами сегодня я не в состоянии, подобные шуточки происходят со мной далеко не каждый день, и чувствую я себя сейчас, словно нахожусь в состоянии невесомости. Домой возвращаться совершенно не хочется. Лучше в серпентарий. К тому же, после подобного происшествия трудно сразу сообразить, на что ты можешь наткнуться возле собственного дома. Конечно, долго себя уговаривать и болтаться по гостям нельзя, но сейчас мне просто необходимо посидеть на мягком, и выпить пару чашек кофе или чего покрепче. Я прогулялась пешком до Вадькиной квартиры, ловя себя на том, что невольно оглядываюсь по сторонам и сильнее обычного хочу, чтобы хозяин был дома.

Увидев меня на пороге, Вадька сначала удивился, потом обрадовался:

– Ба! Какие люди здесь ходят! Заходи скорее, чего стоишь? Вот умница, а я и не ожидал. Ты ведь у нас теперь известная птица. Думал, забыла совсем меня грешного.

Выдав все это скороговоркой, Вадик заметался по коридору, разыскивая для меня тапочки.

– Ну, если ты у нас грешник, то кто же тогда мы? – скромно сказала я и заулыбалась.

Приятно все же, когда тебе так радуются, сразу растёшь в собственных глазах.

Найдя нечто огромное и растоптанное, он, держа в каждой руке по этому чудовищу, со счастливым блеском в глазах произнес:

– Вот, это тебе!

В этот момент он так был похож на отличившегося спаниеля, что я не выдержала и рассмеялась:

– А чуток поменьше у вас не найдется? Ты мне Лидкины дай, что ли. В этих я буду ходить не в тапках, а по тапкам, они ж чуть меньше твоего ковра!

Вадик тоже рассмеялся, но потом несколько сконфуженно сказал:

– Да Лидки-то, нет её больше... – и развел руками.

– Как нет? Где нет? – обомлела я и уставилась на Вадьку.

– Сбежала... Только без соболезнований, ладно? В общем-то, не из-за чего.

– Ну, как скажешь! – сказала я и пошлепала за хозяином на кухню. – Вадька, мне один звоночек сделать надо...

– Давай, – кивнул он, махнув в сторону коридора, – телефон там!

Я дозвонилась до секретарши, поинтересовалась, не искал ли кто меня, и, получив отрицательный ответ, велела ей перенести сегодняшнюю встречу на другое, удобное для деловых партнеров время. Секретарша ненадолго потеряла дар речи – она-то знала, чего мне стоило этой встречи добиться.

– Перенести, Алевтина Георгиевна? – изумленно протянула Верочка. – Перенести?

– Именно, Верочка. Передай, пожалуйста, Семену Абрамовичу, что я перезвоню, как только смогу.

Верочка промычала что-то неопределенное, я попрощалась и вернулась к Вадиму.

Радужный хозяин тем временем бестолково крутился по квартире, видимо соображая, как обставить встречу более торжественно. Толку от его стараний было чуть.

– Где же салфетки-то? – Он забавно хмурил лоб и чесал затылок.

– Вроде вон в той тумбочке на нижней полке, – несмотря на все мои сегодняшние переживания, кое-что вспомнить я была еще способна.

– И правда, – обрадовался Вадим и взглянул на меня с надеждой, – а кофейные чашки где?

– Ну, этого я не помню... Ладно тебе лишней суетой заниматься, чего ты как не родной? Достань кружки да садись, а то уже в глазах рябит.

Долго его уговаривать не пришлось. Открыв бар, Вадик вопросительно взглянул на меня, я кивнула. Наполнив маленькие пузатые стопки, спросил:

– За что? За встречу али как?

– Конечно, за встречу, за «как» потом выпьем.

Мы звякнули хрусталём и выпили. Посидели молча, улыбаясь друг другу. Говорить не хотелось, на душе стало спокойно и хорошо... Хорошо и почти спокойно...

Вадика Остапова я знала уже очень давно. Котелок у него варил исключительно. Мы вместе учились в институте, вместе ездили на полевые, словом, участвовали во всех студенческих развлечениях сполна. Был он душой любой компании, знал невообразимое количество анекдотов и играл на гитаре. Он был старше нас всех лет на десять, отслужил в армии, успел в жизни многое испытать, но никогда не задавался ни перед сопливыми девчонками, ни перед безусыми юнцами. Он уважал мнение каждого, и мы, в свою очередь, уважали Вадьку до обожания. В любое время дня и ночи, в любую погоду готов был наш Вадик на подвиги, был смышлен и отзывчив, чем мы все и пользовались. Но одна черта в этом огромном детине, на мой взгляд, была развита чересчур сильно. Это было упрямство. Если уж вбил себе чего в голову – всё, ищи окурки, пошли курить. Ничем не вышибешь. После очередного такого гениального озарения решил наш мальчик, что должен жениться на Лидочке с параллельного курса, красавице и задавке. Как не пытались друзья вразумить, что не пара ему эта вертихвостка, уперся парень,

что твой осёл. Конечно, они поженились. И довольно скоро начались у них размолвки. То он в Калугу, то она в Рязань... Он уйдет, она вернётся. Он в командировку, она на курорт... Ну, а конец этой истории я узнала час назад. Печально, но не неожиданно. Наш Вадик явно заслуживал лучшего.

«Ничего, свято место пусто не бывает!» – решила я, и принялась прикидывать варианты среди своих знакомых женского пола.

Мысленно, разумеется. Получалось, что шансы есть, с чем нас с Вадькой и поздравила.

– Красотка моя, думаешь, я не знаю, чем ты сейчас занимаешься? Чего это ты губками шевелишь да глазки закатываешь? – дорогой друг, как обычно, раскусил меня в две минуты. – Не выйдет, дудки!

Он весело рассмеялся, покачал головой и повторил:

– Дудки, дудки!

Я тоже засмеялась и махнула рукой:

– Плыви, золотая рыбка! До чего умён парень!

В общении с Вадимом мне всегда было легко и просто. Не надо было напрягаться ни для слов, ни для дела.

Со временем, и в силу профессии, я тоже постепенно овладела искусством общения с людьми. Когда мне было лет двенадцать или тринадцать, на глаза попала одна книга. Что-то вроде сборника советов для малолетних разгильдяев: как себя вести, чтобы понравиться взрослым. Так вот, в этой книжке было огромное множество советов, на редкость глупых. Если сам автор попробовал бы им следовать, то, скорее всего, очень быстро наложил на себя руки или удалился в монастырь. Но некоторые идеи показались мне не лишёнными смысла. Там, например, развивалась мысль, что для общения между полами можно избрать несколько типов поведения. В основном советы касались девочек, на мальчиков автор, очевидно, махнул рукой, видимо убедившись, что мальчишки обычно избирают поведение явно недостойное описания в книге. Девочке же автор предоставил выбор. Она может вести себя как атаман, как бедная киска или девочка-друг. Далее шло описание безусловных и неоспоримых преимуществ поведения последней модели. Как говорится, женщина – мать, сестра, труженица.

Вооружившись такой инструкцией, мы с подругами пытались экспериментировать, используя в качестве подсобного материала знакомых мальчишек. Подавляющее большинство наших исследований заканчивалось синяками, выдернутыми клоками волос и тому подобными знакам внимания со стороны кавалеров, хотя мы очень старались не отступать от написанного. Надо признать, что совет честно сообщать другу о его грязных ушах или дырке на носке (с целью приучить объект к опрятности и гигиене) принес нам наибольшее количество отрицательных результатов. А подхалимское деление конфетами и прочими вкусными вещами, как правило, воспринималось весьма благосклонно. Проблема была в том, что конфет на всех не хватало. В конце концов, моя лучшая подруга Юлька, потирая очередной синяк, заявила, что автор книги – «последний козёл», и что она, Юлька, отлупит любого, кто про эту книгу еще раз заикнется.

Уже будучи студенткой, я о сборнике советов детям рассказала своей группе. Пришедшие в восторг девчонки решили добавить в набор несколько категорий женского поведения: стерва и вечная стерва, а моя неизменная подруга Юлька потребовала внести в список лесную лань и фельдшера. На вопрос, почему именно фельдшера, Юлька ответила, что многие бабы любят мужиков лечить, но делать этого не умеют. Мужская часть нашей группы внесла предложение взять слово лечить в кавычки.

Так и закончилась бы эта игра, если бы в один прекрасный день я не поняла, что сама постоянно влезаю в эти шкуры в зависимости от обстоятельств. Но сейчас, сидя в небольшой уютной гостиной, я просто озвучивала любую чепуху, приходившую в голову, не опасаясь выглядеть идиоткой.

Выпив за приятной беседой кофе, а также перепробовав содержимое нескольких бутылок, мы вспомнили все, о чем нам хотелось вспомнить, потом решились посмотреть телевизор. Пройдясь по каналам, Вадим нашел что-то интересное и притих, не столько глядя на экран, сколько кляя носом. Я же задумалась о делах насущных и, видимо, неотложных.

Может, просто взять, вытащить этот мешочек из-за пазухи и все рассказать Вадиму? Конечно, сделать это довольно просто, но я почему-то не торопилась.

«Ему и своих забот хватает, – подумала я, косясь на дремлющего друга. Хотя, безусловно, опыта в подобных криминальных (в этом я не сомневалась ни секунды) делах по долгу службы у него гораздо больше. – Но ведь и я сама не так уж плоха, разберусь как-нибудь, куда-нибудь кривая да вывезет».

Разобрав свою проблему, к сожалению, пока еще не по косточкам, я повздыхала, покрутилась в кресле и решила досмотреть передачу.

– На этом, дорогие телезрители, разрешите с вами попрощаться! – радостно сообщил мне ведущий, явно не желая со мной общаться. – Всего доброго, до новых встреч!

– И на том спасибо, – проворчала я.

– Знаешь, что я думаю? – вдруг отчетливо произнес Вадим и взглянул на меня с неодобрением.

Я поняла, что он наблюдал за мной, изображая дремлющего пенсионера. Старого разведчика не проведешь, выпей с ним хоть ящик водки. И я уже знала, что он мне сейчас скажет. Я сделала удивлённые глазки, фальшиво изображая полное непонимание вопроса:

– О чем вы, Вадим Константинович?

– У тебя неприятности. И я думаю, ты не знаешь, как с ними быть, вот и кряхтишь и гонишь мне дурочку. Красота моя, ведь ты знаешь, кого ты можешь обмануть, а кого нет. Колись, подруга.

«Вадька, сукин сын, – подумала я, – погоди, я ещё ничего не решила. Не дави!»

Вслух я жизнерадостно запела:

– Да что ты, тебе просто кажется. Устала я, Вадимушка, сил нет. Работы вагон, со Светкой сегодня похватались не на жизнь, а Антошка, подлец, ни гугу. Да ещё машину мне стукнул.

– Так чему ж ты так обрадовалась, искренняя моя? – умилился Вадик, чуть не прослезившись.

– А... Пошлю я его, туда, где первый раз встретила. (Неплохая, кстати, мысль.) Вот и радуюсь.

– А час назад вроде за границу отдохнуть собирались, нет?

Я почувствовала, что в горле опять предательски запершило.

– Нет, то есть да. – Я сообразила, что сейчас начну все больше путаться в показаниях, и тут против Вадьки мне не устоять. Качественно соврать ему мне не удавалось никогда, а вытянуть из человека то, чего он и не знает, было для дорогого друга парой пустяков. – Засиделась я у тебя, пора мне, Вадя. Только домой позвоню, узнаю, как там дела, убралась любимая родственница к себе или нет.

Я набрала номер, стараясь загородить от Вадима телефон спиной, и услышала частые гудки.

«Убью», – подумала я, но решила попытать счастья ещё раз.

Результат был тот же. Остаться у Остапова дольше не очень хотелось, но делать было нечего. У меня был еще один способ не обсуждать мои проблемы:

– Пока занято, может, чайку хлебнем? Только не надо меня пытаться, ладно? – попросила я жалобно.

Вадим пожал плечами и кивнул:

– Хозяин – барин. Пойдем чай пить.

Через полчаса я снова набрала номер и услышала милые сердцу частые гудки.

«Убью и похороню с телефоном!»

Наконец линия освободилась, и я услышала протяжное Юлькино:

– Алле?!

Сдерживая себя, я бархатным голосом спросила:

– Антон, это ты?

– Конечно, я, – ответила эта мерзкая девица. – А у тебя, Кадасова, крыша совсем съехала или это временное явление?

– Как дела дома? – продолжила я, не обращая внимания на ее кваканье. – Света уехала?

– Что, опять с золовкой поцапалась? – обрадовалась Юлька. – До поножовщины дело не дошло?

Любопытна она не в меру, эта проблема у нее с раннего детства.

– Скоро приеду, да. Минут через сорок, машину еще не отремонтировали, я поймаю такси. Пока.

– Поторопись, я буду волноваться, не случилось ли чего с таксистом, – сладким голосом проворковала Юлька.

Я бросила трубку на рычаг.

– Ты номер телефона сменила, что ли? – Вадик смотрел на меня насмешливо и качал головой. – Ты попку побольше отрасти, а то такой со всех сторон телефон не закроешь. А Юлии Геннадьевне поклон.

Вот чекист, просто беда. Я вздохнула и ответила:

– Ну, я пошла, звони.

– Провожу-ка я тебя, – вдруг заявил Вадим, потянувшись к вешалке.

– Нет, нет! – Я даже отчего-то испугалась. – Не надо! Я машину мигом поймаю, не волнуйся. Да что ты, я уже большая девочка!

– Да ну? – удивился Вадим. – Давно?

Когда я шагнула за порог, он поймал меня за руку, развернул к себе и сказал:

– Обещай, что, когда ты сама не будешь справляться со своими проблемами, позвонишь мне.

– Обещаю, – серьезно сказала я и пошла вниз по лестнице.

– И что будем делать? – лежа на софе и дрыгая босыми ногами, спросила Юлька.

– Не знаю, – честно призналась я. – Во-первых, так не бывает, во-вторых, такое всё же случилось. Так что здесь есть о чём подумать.

– Ты прям-таки читаешь мои мысли. – Подруга всегда любила примазаться к чужой славе. – Подумать есть над чем.

Пока она задумчиво почесывала то свой курносый нос, то затылок, я пыталась честно ответить себе самой на вопрос: почему я ничего не сказала Вадиму? Ведь наверняка это был выход из ситуации, причем самый для меня удобный. Почему? Пришлось вывести себя на чистую воду.

– Ты авантюристка, – сказала я вслух и вздохнула.

– Ты тоже интриганка, – эхом отозвалась Юлька, приняв комплимент на свой счёт.

Она села, посмотрела на свои пятки и изрекла:

– А может, всё-таки подделка?

Подружка, наверное, в сотый раз высыпала камушки на покрывало и уставилась на них, словно ища там ответ.

– Красотища! Смотри, это «маркиза»... Да... А такая огранка называется «капля»... Аль?

– Угу! – сказала я, глядя в потолок.

– А все же это-то здесь зачем? – Она вертела в пальцах большую темно-красную фасоль, неизвестно каким боком затесавшуюся среди камешков. – Странно, ты не находишь? Не иначе как злодеи расфасовывали кульки на кухне... Среди макарон и помидоров! – Когда Юлька разойдется, ее не заткнуть. – Рассыпав на кухонном столе драгоценные камни, преступники раздумывали, где же им найти надёжного человека для сохранения сокровищ... И решили пообедать. Фасолевым супом. Внезапно раздался оглушительный стук в дверь: «Откройте, милиция! Руки вверх!» В панике бандиты пытаются скрыть следы преступления... Одно неосторожное движение, и огромная фасоль... – вещала подруга зловещим шепотом.

У радио есть кнопка и его можно выключить. У Юльки такой кнопки нет. И это очень и очень жаль...

– Алевтина, как ты считаешь, я права?

Я рассеянно покивала головой. Меня сейчас занимало другое.

– Ты знаешь, мне кажется, Рыжий сам не вышел из метро. Я думаю, его вынесли. Обычный человек так не бьет, поверь мне. Это был профи. Такие люди не носятся по пустякам по Московскому метро. Никакие стекляшки этого не стоят.

Она кивнула, поджала губы и задумчиво прошептала:

– Боюсь, ты права.

Мы склонились над камнями. Редко какая женщина остается равнодушной к такому зрелищу. Мы не были исключением. Но когда я увидела, что Юлька начинает примерять камушки то к пальцу, то к уху, всполошилась. Если немедленно не отвлечь Юльку от опасных мыслей, это может завести нас очень далеко.

– У тебя молоко убежало! – вскрикнула я, ясно представляя на месте Юльки фрекен Бок.

И что вы думаете? Юлька с визгом подскочила и, разметав камни по покрывалу, ринулась на кухню. Я поняла, что русской женщине родная плита дороже чужих бриллиантов. Торопливо собрав камешки обратно в мешочек, я сунула его в карман большой игрушечной кенгуру, сидевшей на софе. Как и все, не расставшиеся окончательно с детством люди, Юлька обожала мягкие игрушки.

На пороге комнаты возникла хозяйка:

– Я сошла с ума, какая досада! – и, театрально изогнув брови, добавила: – А ты – очень вредная женщина.

– Юля, – я была сама серьезность, – оставь глупые мысли. Может случиться, что даже таким глупым мыслям негде будет располагаться. Эти чертовы цацки надо как-то вернуть.

Юлька сделала протестующий жест, но я продолжила:

– С этим не шутят.

– Даже мы? – На меня смотрели наивные глазки новорождённого теленка.

И в этом вопросе был свой резон.

– Юля, по-хорошему тебя прошу, угомонись... Ясно?

– Конечно, ясно, что ничего не понятно, – не язвить это создание просто не умело. – У меня создалось впечатление, что одним нам не справиться.

Переглянувшись, мы в один голос произнесли:

– Танк!

Почему мы раньше не вспомнили о нашей Ленке, крупной и шумной девице по прозвищу Танк, понять невозможно. Скорее всего, сказала некоторая необычность ситуации. Потому что при любых наших проблемах мы сначала собирались все вместе, а уж потом начинали разбор костей.

Я потянулась было к телефону, но обнаружила, что Юлька уже набрала номер и ждет ответа.

«Старею, – подумала я. – Совсем реакции никакой. Этак еще раз предложат в метро банку с царскими червонцами или кольцо из сапфиров, так совсем лечиться придется».

– Занято, – объявила Юлька. – Через пару минут снова наберу...

Ее прервал телефонный звонок. Она подняла трубку и пропела:

– Алле?!

В трубке что-то заворчал, и Юлька, сразу оживившись, затархтела:

– Ленка! А я как раз тебе набираю! Вот, а говорят телепатии нет! Ты нам срочно нужна. Да, Алька у меня. Может, подскочишь на полчаса? Кто? Витька? Вот сволочь какая... – Юлька нахмурила брови и слушала. – Ну, давай сюда, все и обсудим. Ждем!

Она бросила трубку на рычаг и пояснила:

– Она нас сама разыскивает, тебе звонила. Ее мерзавец вроде от нее уходит.

– Витька? Ну и дела. Прямо эпидемия какая-то!

– Да ни хрена он не уйдет, – уверенно заявила подруга. – А уйдет – через день обратно прибежит.

Скорее всего, она была права. Ленка с Витькой жили на манер Земли и Луны, как ни вертели, а всё оказывались рядом. Было в Ленке что-то такое, что притягивало к ней людей. А Танком её прозвали ещё в детстве, и не за огромные габариты, а за пробивной характер и напор. Фигура у Ленки была очень даже ничего, худышкой её назвать было, безусловно, нельзя, но посмотреть на что было. Она трудилась сначала менеджером, а теперь начальником отдела во французской коммерческой фирме, название которой в переводе означало «Сражающийся лев». Фирма с таким названием как нельзя лучше подходила нашей подруге, вероятно, поэтому карьера её продвигалась более чем успешно. Французы Ленкой очень дорожили и охотно шли навстречу её проблемам. Но, видно, Витька оказался французам не по зубам, так что с этим разбираться придется нам.

В ожидании Елены Борисовны мы включили телевизор. Переключая программы телевизора, я увидела сводку криминальных новостей, и вдруг мое внимание было привлечено словами диктора:

– Сегодня в девятнадцать тридцать в районе проспекта Андропова, около парка имени шестидесятилетия Октября, был обнаружен труп молодого мужчины. По свидетельствам очевидцев, труп был выброшен из проезжавшей машины марки «Жигули» тёмно-красного цвета, после чего машина на высокой скорости проследовала в сторону области... Объявленный план «Перехват» результатов не дал...

Камера медленно наехала на лежавшего на земле мужчину. Руки его были неестественно вывернуты, широко открытые голубые глаза смотрели в небо, огненно-рыжие волосы слиплись от запекшейся крови. С ужасом глядя на то, что осталось от человека, с которым я разговаривала несколько часов назад, я завывала. Юлька испуганно вздрогнула.

– Ты что? – Голос её задрожал. – Что с тобой, Алечка?

Я, не переставая выть, ткнула пальцем в телевизор. Там уже показывали что-то другое, какую-то автомобильную аварию.

– Что там было, что? – Юлька трясла меня за плечи и пыталась заглянуть в глаза.

Подозреваю, что в этот момент я выглядела очень забавно.

– Там Рыжий... – выдавила я. – Мёртвый.

Подружка удивленно уставилась на меня, будто я сказала какую-то несусветную чушь.

– В телевизоре, что ли? Или где? – По части задавания глупых вопросов Юлька вполне могла бы быть чемпионом, если бы ей было с кем соревноваться.

Я закивала головой, словно китайский болванчик.

– Ты ничего не перепутала?

– Нет, – я мотнула головой, – я ничего не перепутала. Это он. Его просто нельзя ни с кем спутать.

Юлька сморщила лоб и сказала:

– Не ожидала, что ты можешь такие звуки издавать. Прямо напугала меня, дорогая. Ты в следующий раз предупреждай, что ли.

– Я другого раза больше не хочу. И вообще никакого не хочу. Ты хоть понимаешь, что всё это значит? – каюсь, но я перешла на визг.

– Это значит, что камешки у тебя, а твой паспорт у них. И свидетелей, что ты их в первый раз видишь, тоже нет, – абсолютно спокойно сказала Юлька.

Несмотря на всё её легкомыслие, точнее сказать было трудно.

Вдруг раздался звонок в дверь. Мы с Юлькой испуганно дернулись, но, услышав три дополнительных условных звонка, перевели дух. Это могла быть только Ленка.

Юлька открыла дверь, и квартира сразу наполнилась посторонними шумами, производимыми бесчисленными Ленкиными бирюльками, цепочками и высокими каблуками. При малейшем движении на Танке шуршала и скрипела новенькая кожаная юбка невероятного фасона.

– Привет, девули! – громко гаркнула вновь прибывшая. – Чего это вы? Ужастик, что ли, смотрели? Чего вы с какой-то зеленью в лице? На воздухе надо больше бывать, а не на машинах раскатывать. А то растолстеете скоро. Как я, – добавила она, с гордостью поглаживая свои крутые бедра.

– Не успеем мы растолстеть, – буркнула я и спросила: – Как твой мерзавец?

– Это Витька, что ли? – уточнила она. – Куда ж ему деваться! Прибежал! Только к вам стала собираться, вот он – тут как тут! Извини, говорит, люблю тебя! Ну, не зараза? Убила бы. Ушла, велела ему ужин готовить.

– Готовит? – вздохнула Юлька.

– Готовит! – обрадовалась чему-то Ленка. – Куда ему с подводной лодки?

– Ну и, слава богу! – вяло умилилась я.

– Чего это вы такие замученные, не пойму? По мужикам, что ли, бегали?

– Мужики по нам бегали, – сострила Юлька, – один добегался, в морге лежит.

– Хи-хи, – неуверенно хихикнула Ленка, не понимая, шутка это или нет. – Да скажете вы, в конце концов, в чём дело?

Пришлось объяснять. Некоторое время Ленка молчала, затем изрекла гениальное:

– Этого не может быть!

Пришлось достать из кенгуру мешочек и показать ей. Она опять замолчала, на этот раз надолго.

– Вникает, – со значением прошептала Юлька. – Может, ей кофе налить, чтобы быстрее очухалась?

Я не выдержала:

– Ну, чего молчишь? Ты ведь всё знаешь, так выдай мысль поумней.

Елена Борисовна молча жевала губами, глядя в одну точку. Я вымоталась за этот день жутко, больше всего мне хотелось лечь и уснуть, но, похоже, что выполнить такое простое желание было почти невозможно. Непробиваемая Ленка выглядела испуганной, и хорошего настроения это не прибавляло.

– Лenuль, ну, как быть? Как бы это отдать поскорее и забыть, а?

– Никак.

– Как – никак? О чём это ты говоришь? Ты со мной разговариваешь-то? Ленка, хватит скульптуру изображать, почему никак?

Не знаю, с чего на меня вдруг такая разговорчивость напала, но я не могла остановиться. Мне было необходимо, чтобы кто-нибудь доказал, что волноваться не стоит, надо сделать так-то и так-то, и всё будет лучше, чем было. Но в глубине души я понимала, что Ленка права. Она подняла на меня совершенно серьёзные глаза и пояснила:

– Неужели до самой не доходит? Это всё у тебя в руках. Никто и не будет выяснять, что и когда к тебе попало. Хочешь это отдать – отдай, но ты получишь большие проблемы. Возможно, слишком большие. Не хочешь отдавать – тебя найдут всё равно... Ты где живёшь?

Что ни говори, а успокаивать Ленка умела замечательно.

– Благодарю за благоприятный прогноз, – разозлилась я. – Может, тогда обсудим количество и качество венков, подберем посуше местечко на кладбище, обсудим, кого пригласить на мероприятие?

– Подожди, Алька, не психуй. Надо подумать, чего это ты сразу помирать собралась? – подала голос Юлька. – Давайте, девчонки, кофейку выпьем по чашечке? Я пойду, сварганю.

Юлька поднялась из кресла и потянулась, потом потёрла глаза.

– Давай, – согласилась Танк. – Хотя, конечно, в двенадцатом часу ночи пить кофе – это моветон. Звякну-ка я своему, пусть не дожидается.

– Время-то сколько, – опомнилась я. – Антошка хоть и сукин сын, но, наверное, волнуется.

Когда Ленка положила трубку, я потянулась к телефону, раздумывая, что сказать мужу. Если честно, говорить с ним не хотелось. Но предупредить, что я у Юльки, надо. Муж всё-таки. Тут я усмехнулась, и почему-то подумала: «Пока».

– А какая у тебя прописка в паспорте – дома или у Антошки? – вдруг спросила Танк.

– У тетки, на Кутузовском, в паспорте вообще отметки нет о замужестве. Об этом, я имею в виду. Я паспорт в загс забыла взять.

– А как же вас расписали без паспорта? – удивилась Ленка.

– Как расписали? Обычно, за деньги. Дали денег, сказали, паспорт позже привезём. Да всё времени не было. Сегодня как раз хотела отвезти.

– Ну, ты даешь, – покачала головой Танк. – Всё у тебя не как у людей. То зонтик, то паспорт. Или окажешься в центре драки, получишь в глаз. То люди перед тобой из окна бросаются! А сейчас отмочила – вообще слов нет. Как ты умудряешься?

Согласно вздохнув, я запечалилась.

Тут в комнату вплыла Юлька, держа в руках поднос с горячим ароматным кофе.

– О, наши в городе! – воскликнула Ленка, снимая с подноса чашку.

Я тоже взяла свою и поставила на тумбочку рядом с телефоном. Набрав номер, конечно, услышала частые гудки. Перед глазами возникла Вероника Александровна с мокрым полотенцем на лбу, тяжело вздыхающая над бедным сыночком:

– Ах, Антон, вы женаты всего три месяца, а её нет дома в двенадцать часов. Это чудовищно, Антон. Я ничего не хочу сказать, но...

Она никогда ничего не хочет сказать. У нее всё и без слов ясно.

Ленка отхлебывала горячий кофе и, шурясь, наблюдала за тем, что я делаю. Покачала головой и вдруг сказала:

– Как хочешь, дорогая, но Антошка твой – мозгляк. Пропадёт он с тобой.

Она вздохнула. Я удивленно на неё покосилась. Обычно говорят: пропадёшь ты с ним (или с ней), а тут наоборот. Я ещё и виновата. Что она терпеть Антона не может, я знала прекрасно. Почему тогда жалеет? Занятная Ленка женщина. Я снова набрала номер, на этот раз трубку сняли после первого гудка:

– Алло? Я вас слушаю!

Ба! Да это Светуля! Какого чёрта она опять там делает в такое время?

– Светлана Николаевна? Как ваше самочувствие? – ядовитым голосом поинтересовалась я. – Что это вы припозднились?

– А, это ты! – Голос родственницы зазвучал слишком противно даже для неё. – Это ты! Думаешь, тебе всё сойдет с рук? Ничего, погоди, дождешься! Я из-за тебя весь вечер мамочку отпаиваю! Что ты себе позволяешь?

Меня несколько удивила такая постановка вопроса. Если мамочку и надо было отпаивать, то с утра, а вечером-то зачем? За меня так волнуется? Или она с утра так переволновалась? По её виду, когда я уходила, ничего подобного я не заметила, да и Светуля никогда не дала бы мне понять, что я достала мамулю до печёнок. Тогда что это за истерика?

– Эй, ты меня слышишь? – не унималась золовка. – Чего молчишь, стыдно?

Это было уже слишком. Я вежливо попросила:

– Позови Антона, и заткнись!

Мои девчонки насторожились, а я услышала, как Светуля отлепилась от трубки и потопала звать брата, голоса на ходу:

– Я всегда говорила, я предупреждала! Мы ещё окажемся на улице с её помощью! Бандитка!

Бандитка? Здорово! Бандиткой я ещё не бывала. Была нахалкой, эгоисткой, но чтобы так, с криминальным уклоном?

Трубку взял муж:

– Я слушаю ...

Боже мой! Умирающий с медных рудников!

– Антон? У нас какие-то проблемы? Что случилось? Что с твоей мамой?

В голосе мужа зазвенел металл (рудники, видно, сказывались):

– Твои кобели её доконали.

– Кто – мои? – Мне показалось, что я ослышалась, к тому же Антон никогда не говорил со мной подобным образом.

– Твои кобели, шлюха! Сейчас двенадцать часов ночи, где ты?

От неожиданности я проямлила:

– Я у Юли...

– У Юли? Ха! Не подзовешь ли Юленьку к телефону?

Я растерянно протянула трубку Юльке, судорожно пытаюсь взять эмоции под контроль. Девчонки смотрели на меня с удивлением, вернее сказать, с изумлением. Мне довольно часто приходилось допоздна задерживаться в галерее, но подобной гаммы чувств это никогда не вызывало. Я не могла понять, в чём дело. Юлька живо схватила трубку. Когда было надо, она быстро вникала в ситуацию:

– Алле? Антон!? Здравствуй! Как поживаешь?

Мы с Ленкой следили за Юлькиным лицом, пытаюсь уловить суть разговора. Вот Юлька молча изо всех сил вытянула губы трубочкой, втянув щеки. Затем расслабила лицевые мускулы, беззвучно широко открыв рот, словно зевая. Она снимала нервное напряжение, чтобы голос не задрожал. Я поняла, что Антон чем-то разозлил подружку и Юлька пытается это скрыть. Прекрасный способ для неприятных разговоров по телефону.

– Ты не прав, Антон, – пела Юлька. – Нет, какие глупости... Ну, номером ошиблись, всякое бывает. Ну... Ты просто как маленький! Как, как? Хм... Мама сказала! Если мою маму всё время слушать, вообще с ума сойдёшь... Я к примеру... Да... Пока!

Юлька протянула мне трубку, клацая со злости зубами:

– Тебя! Готова?

Я чуть кивнула. Сейчас я готова. Сейчас я ко всему готова, об меня сейчас можно копыя оттачивать. Взяв в руки трубку, я рыкнула:

– Да?

Услышав мою интонацию, наш парень сбавил обороты:

– Это ты, Аля?

– Ну?

– Совершенно идиотская ситуация.... Сама подумай: весь день называют мужики, спрашивают Сомову Алевтину Георгиевну... Наглые такие... По первому мужу называют, значит, старые дружки... – Он испуганно притих, справедливо полагая, что брякнул лишнее.

– Дальше! – скомандовала я.

Сейчас я так злилась, что могла поднять батальон в атаку, а не только осадить взбрыкнувшего мужа.

– А что дальше? Я не знаю... Мама говорит...

Это была та самая последняя капля, которая обычно прорывает плотину. Я сама ещё не успела осознать, что ответить, как меня прорвало. Видно, день сегодня был какой-то особенный, если каждые полчаса мне приходилось кого-то удивлять. Ленка и Юлька, озабоченно шушукавшиеся на софе, примолкли, смотрели на меня вылезшими из орбит глазами и выглядели невозможно смешными. Муж тоже примолк. Закончила я свою речь вполне мирно:

– И все мои вещи, и деньги, я повторяю – все, не вздумайте с сестренкой и мамочкой оставить себе сувениры, сам перевезёшь ко мне домой. А не то я пришлю за ними старых дружков, понял?

– Понял... Что ты, Аленька, ты что? Куда перевезти, зачем? Ну, поругались, помиримся, всякое бывает...

– Что? Поругались? Ты считаешь, что можешь со мной поругаться? Антон, в конце концов, всему есть предел! Зачем тебе жена? Ну, зачем? Роль няньки превосходно выполняют твои многочисленные родственники. Подумай об этом на досуге, придет интересная мысль в голову – звони, обсудим... Это я к тому, что ухожу от тебя, ясно?

– Ясно... То есть, нет. Аля, не валяй дурака! Я всё прощаю, не думай... – и ещё минут пять в том же духе.

Я немного послушала для улучшения настроения, потом сказала:

– Прощай, дорогой! Привет Светуле и мамуле!

– Аля! – завизжало в трубке, а я бросила её на рычаг.

– Ну, «Зимняя вишня»! – сказала Юлька.

– Нет, это клюква. Без сахара! – засмеялась Ленка.

Мы с Юлькой тоже похихикали. Ленка насмеялась и, утерев слезу, произнесла:

– Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно.

Мы сразу перестали веселиться, и я спросила Юльку:

– Толком, в чём дело? Он тебе что-нибудь объяснил?

– Он сказал, что вечером позвонил мужчина. Трубку сняла свекровь и в своей манере объяснила, что тебя где-то носит, и повесила трубку. Через час снова позвонили. Трубку опять она взяла, стала злиться, как же её сыночка за козла держат, прямо домой называют! Ну, они её и обложили. Цветасто.

– Чего сказали? – поинтересовалась Ленка.

Юлька повторила. Мы покатались со смеху.

– Может, они и хамы, но не дураки, – сказала я.

– Вряд ли это нам поможет. Так вот. Они позвонили раз десять за вечер, всё время тебя спрашивали и очень интересовались, где бы можно было с тобой повидаться. Представляешь, что подумала твоя свекровь? Делайте выводы, господа!

– Этот выход закрыт, сэр! Быстро работают, засранцы. – Ленка задумалась, и спросила: – Если в паспорте твой адрес на Кутузовском, как они так быстро узнали телефон свекрови?

– Узнали, девчонки, – убитым голосом прошептала я. – Сзади, на обложке паспорта был написан. Антон сам написал, как только мы познакомились. Больше не на чем было. Я хотела потом стереть, да забыла!

– А ты вспылала! Ещё не познакомилась, а паспорта кому попало раздаёшь! С сарая, что ли, рухнула? Записала бы на пачке сигарет да потеряла!

– Я ж не курю, – печально сказала я.
– Не ври, – строго сказала Ленка. – А Антон?
Я мотнула головой.

– Не выходила бы за него, он бы твою машину не грохнул. Ехала бы на машине, никто бы тебе ничего не всунул!

– Не было гвоздя – подкова пропала.
Не было подковы – лошадь захромала.

Лошадь захромала – командир убит,

Конница разбита, армия бежит... – продекламировала я. – Ну, и что теперь? Повеситься, что ли?

– Нет, не надо вешаться. Однако, похоже, что квартиру на Кутузовском уже навестили. Хорошо, что тебе не пришло в голову туда сунуться.

– А родительская квартира пустая?

– Пустая. Думала с Антошкой там после свадьбы жить – не могу. Реву, бабы, белугой. Да он без мамочки и не может... Так что баба Глаша там так и убирается. Приходит раз в неделю или два, если ей скучно и делать нечего.

– Да, – протянула задумчиво Ленка, и хихикнула, – ты, Аля, словно тот вор, что у распечатанного сейфа справку об освобождении оставил! Ладно, вот что: надо твоему бывшему позвонить.

– Какому? У меня теперь выходит, два бывших.

– Первенькому. Андрею Дмитриевичу. Надо узнать, со всех сторон тебя обложили или щёлочка есть?

На том и порешили. Время было уже два часа ночи, и хоть и страшно, но надо спать.

Андрей Дмитриевич Сомов любил в жизни три вещи. Первое – делать деньги. Второе – руководить. Третье – чтобы все непременно называли его по имени-отчеству.

Когда мы с ним познакомились, я ещё не окончила институт. Он старше меня на тринадцать лет, поэтому казался мне тогда самым надежным и умным мужчиной на свете. Ухаживания его имели размах грандиозный, Андрей Дмитриевич просто смял меня своим натиском. Скептически оглядев своих поклонников-ровесников, я всерьёз решила, что они и через пятьдесят лет не смогут сравниться с Андреем. Потом была шикарная свадьба, мама почему-то всё время плакала, отец хмурился, и только моя родная тётка Юля высказывала вслух свое неодобрение. Мне это казалось странным. Но через полгода я поняла причину маминых слёз. Не было того, о чём тысячелетиями пишут поэты, отчего умирают и рождаются, отчего начинаются войны и заключаются перемирия. Не было любви.

Я прожила с Андреем Дмитриевичем пять лет, прекрасно осознавая, что значу для него достаточно много, но, как говорится, умереть в один день нам вряд ли захочется.

Он не жалел для меня денег, у него их было – куры не клюют. Он мог делать деньги фактически из воздуха. Андрей Дмитриевич родился банкиром, живет банкиром и, я думаю, умрет банкиром. Процесс извлечения денег из пустоты интересовал его больше, чем сами деньги. Но, получив их, он не бросался ими направо и налево. Он их копил. Похвальное качество, но оно занимало у него слишком много времени.

И вот, года через три после свадьбы, я стала замечать, что Андрей Дмитриевич начинает обращаться со мной как хозяин, вернее,

обладатель. Он стал контролировать мои покупки, критиковал, если я что-то выбирала сама, его мнение всегда было лучшим и оставалось непререкаемым. В ювелирных магазинах,

куда он последнее время принялся меня таскать, чтобы я выглядела не хуже жён его друзей, украшения выбирал сам, обычно самые дорогие.

Некоторое время меня это забавляло, потом стало надоедать. Попробовав объясниться с мужем, я услышала, что несу чушь и забиваю себе голову глупостями. Мне было предложено окончательно бросить работу, и ходить в салоны, бассейны, на аэробику, одним словом, посещать кружок кройки и шитья. К тому времени участие моё в существовании галереи, открытой старинным другом моего папы, стало минимальным, потому что Андрею работающая жена не нравилась. Но, поразмыслив, я решила, что не так уж плохо там зарабатывала, карьера моя продвигалась, при определенных обстоятельствах у меня был шанс стать совладелицей галереи, причем шанс неплохой. Мои заработки, конечно, не могли идти ни в какое сравнение с деньгами Андрея Дмитриевича, но на себя мне вполне хватало, а работы я никогда не боялась.

И вот настал момент, когда я решила, что спасение утопающих является сугубо личным делом каждого тонущего. Побросав в чемодан вещи, с которыми переехала к мужу, я осталась довольна – старых вещей осталось мало, так что чемоданчик был совсем лёгкий. Сняв с себя все надоевшие до смерти побрякушки, вытащив остальное из всех ящичков и коробочек, я сложила их горкой на туалетном столике. Горка получилась очень внушительная.

– Сокровища Али-Бабы! – засмеялась я, и с лёгким сердцем отправилась восвояси.

Трудно передать выражение лица моего муженька, когда я возникла с чемоданом на пороге гостиной на первом этаже, где он обычно читал газеты. Можно было бы пересчитать по пальцам людей, осмеливающихся перечить моему супругу, и я, как правило, в их число не входила. Поэтому Андрей, удивясь безмерно, выгнул брови дугой и поинтересовался:

– Куда это ты собралась?

– Прощай, милый! – сказала я. – Предоставляю тебе полную свободу. Можешь теперь подобрать себе дурочку по вкусу. А я, извини, ухожу.

– Ты взбесилась, что ли? Кому говорю, Алевтина?

– Сбавь тон, кретин. Я – Алевтина Георгиевна! – прозвучала я и пошла к выходу.

Последовала не очень красивая сцена. Когда я почти дошла до дверей, муж заорал охраннику, чтобы тот меня не выпускал. Передо мной возник охранник Саша, парень огромный, как шкаф, и, для охранника, очень добрый. Он растерянно смотрел на меня умоляющими глазами и твердил:

– Алевтина Георгиевна, голубушка, ну куда вы? Оставайтесь, пожалуйста. Не уходите. Андрей Дмитриевич меня уволит. Алевтина Георгиевна, пожалуйста!

Как не жалко мне было Сашу, мы всегда с ним прекрасно ладили, но уходить я собралась всерьёз. К тому же я была уверена, что такого телохранителя, как Саша, мой муж не уволит из-за такой глупости, как уход жены. Быстренько превратившись в лесную лань, я зашептала печально:

– Сашенька, откройте, пожалуйста. Пропустите меня, я всё равно уйду.

Парень расслабился и поплыл. Я была уверена, попроси его сейчас спрыгнуть с третьего этажа – спрыгнул бы. Мигом перевоплотившись в стерву, я гаркнула:

– Александр! Откройте немедленно!

Саша вздрогнул и послушно распахнул передо мной дверь. Я шагнула за порог и заспешила прочь.

Я бежала изо всех сил по широкой безлюдной улице, понимая, что бежать больше не могу, ноги мои разбиты в кровь, в горле сухо, его сводит судорогой, а лицо залито жарким жгучим потом. Взглянув на свои руки, я увидела на них наручники, тугие и ржавые, из-под них сочилась кровь. Вдруг сзади послышались рёв, топот и громкие крики. Я поняла, что сейчас

меня догонят и схватят, потому что спрятаться было негде и сил больше не было. Я хотела крикнуть, чтобы кто-нибудь мне помог, но в горле так першило, что я не могла издать ни звука. Весь мир вдруг обрушился на меня. На мгновение я увидела огромный земной шар, раскачивающийся на толстой белой цепи. Я закрыла глаза и в ужасе дёрнулась. Вновь открыв глаза, обнаружила, что подняться не могу.

«Наверное, я умерла».

Эта мысль меня почему-то обрадовала. Но... надо мной белел обшарпанный Юлькин потолок, сквозь стены раздавался грохот, похожий на землетрясение.

«Ремонт», – догадалась я.

Скосив глаза на живот, увидела Юльку, бессовестно храпящую поперёк меня. Ее левая нога лежала на моих одревеневших ногах, а правым локтем она давила мне на горло.

– Никакой совести у людей! – хотела сказать я, но лишь захрипела.

Юлька так усердствовала, что если бы она не спала, то я бы решила, что подружка собирается меня придушить. Собрав последние силы, я сбросила с себя ошибку Юлькиных родителей. Она недовольно вскинулась, открыла один глаз и ошалело уставилась на меня:

– Ты кто? – Она с усилием открыла второй, и вскрикнула: – Ой!

– Конь в пальто! – Я принялась хохотать, вернее, булькать.

Юлька выглядела так уморительно, что мне пришлось встать и выпить воды, чтобы вдоволь посмеяться.

– Только и может ржать, что твоя кобыла, – укоризненно сказала Юлька, когда немного очухалась.

Из соседней комнаты раздался недовольный Ленкин голос:

– Чего блеете, как жеребцы, в шесть утра?

Мы с Юлькой переглянулись и захохотали вместе:

– Ленка, жеребцы не блеют! Они жрут!

Выдав эту поправку, Юлька уставилась на меня, смутно подозревая, что где-то ошиблась. Смеяться я больше не могла, а только выла и икала, и никак не могла остановиться.

– Вам виднее. – В дверь просунулась лохматая Ленкина голова. – Вы у нас по жеребцам специалисты. И какой это гад в шесть утра ремонт затеял?

– Ой, девчонки, мы прям как раньше! Помните? – Юлька счастливо закатила глазки.

– Помним, – сказала Ленка. – Сволочные у тебя соседи. Чего сегодня делать будем?

– Вот всегда ты, Ленка, все испортишь, – вздохнула Юлька. – У тебя дела?

– Если нужно, я позвоню, отпрошусь.

– Тебя отпустят?

– Однозначно.

– А ты, Алька?

– Вообще-то, мне в галерею надо.

Ленка решительно заявила:

– Сначала позвонишь Андрею Дмитриевичу, потом решим.

– Он в семь встает, – сказала я. – Надо дать ему проснуться, а то брякнет спросонья чего-нибудь не то.

– Он тебе все ещё названивает? – спросила Юлька.

– Ага. Раз в две недели точно. И гонора не осталось. «Алечка, Аленька!» – передразнила я бывшего мужа.

– А свекровь чего?

– А ничего. Он человек воспитанный, богатый. Ему можно. Она ведь, знаешь, что решила? Что, если я от такого богатого ушла к Антошке, значит, чего-то мне этакое нужно от него, от захребетника. Видно, думает, что я на гонорары от его бессмертных произведений рассчитываю. Не понимает, что благодарное человечество может достойно оценить его только

в одном случае: если он уgomонится и сочинять перестанет... Так что Андрей Дмитриевич – друг семьи. Она за него Светулю ладится отдать.

– Да ну! Вот дура-то! – удивилась Юлька.

– Да она баба деловая, пусть попробует.

– А ты допустишь?

– Конечно, нет. – Я улыбнулась улыбкой кобры. – Обойдется золовка. Много денег ей иметь вредно.

Позвонив в начале восьмого Андрею Дмитриевичу, я узнала от Саши, что тот уже три дня как за границей, вернётся через неделю, а про меня никто ничего не спрашивал. Услышав мой голос, Саша явно обрадовался и был не прочь поболтать ещё. Но я с ним распрощалась, пожелав всего самого наилучшего и пообещав заглянуть в гости.

За завтраком мы обсуждали дальнейшие наши действия. Честь первой отправиться на разведку выпала Юлии Геннадьевне. Основным аргументом послужило то, что в галерее её не знали, тогда как Елена Борисовна там появлялась. К тому же Юлька – миниатюрная блондинка, при полном параде достаточно эффектная дама. Но без грима и прочих женских ухищрений она выглядит как девчонка. Надев короткое синее платье, белые гольфы и синие туфельки на маленьких каблукках, она стала похожа на ученицу десятого класса. А сделав себе два легкомысленных хвостика, перетянутых цветными резинками, по моему мнению, Юлька сбросила этим нехитрым способом еще пару классов. Ленка стала опасаться, не потерялась бы наша малышка в большом городе. Не выдержав, она сказала:

– Улицу осторожней переходи, и вообще там!

Юлька живо обернулась и прогундосила:

– Хорошо, бабушка! – После чего ловко увернулась от затрещины. Покривлявшись перед зеркалом, она осталась довольна: – Порядок!

– Ну, Юлька, ни пуха, ни пера!

– К чёрту, родные! – Подружка шагнула за порог, оглянулась и добавила: – Ну, как договорились!

Она запрыгала вниз по ступенькам, смешные хвостики прыгали вместе с ней. У меня отчего-то сдавило грудь, сердце тревожно стукнулось рёбра.

– Всё будет в порядке, всё будет в порядке! – твердила Ленка, глядя в окно на уходящую Юльку.

То ли себя успокаивала, то ли меня.

Прождав условленный час, и не получив никаких известий, мы заволновались. От Юлькиного дома до галереи добираться минут сорок. Наверное, она уже там, как без проблем воспользоваться телефоном, я ей объяснила. Почему же она не звонит? Ленка поднялась с кресла и пробормотала:

– Позвоню-ка на работу, лучше мне пока здесь побыть.

Набрав номер, она быстро залопотала на французском. Судя по её мимике, что-то было не в порядке, но из всего разговора я поняла только слово «месье». Положив трубку, Ленка расстроенно покачала головой:

– Слушай, я убегу часа на два, если смогу, то быстрее. Вечно у этих паразитов заморочки. Если что, звони на сотовый. Лады?

– Лады! Беги, не переживай.

Елена Борисовна умчалась со скоростью смерча, а я села на софу, и стала гипнотизировать телефон. Через полчаса, плюнув на все, решила ехать к галерее и попробовать найти Юльку.

«Может, она выход найти не может, – глупо уговаривала я себя, судорожно ища косметичку. – Или подругу встретила. Или в пробке застряла».

Вдруг неожиданно громко зазвонил телефон. Я схватила трубку:

– Да?!

– Бабушка – это ты? – Юлька щебетала словно воробушек.

Я облегченно перевела дыхание, но успокоиться не могла – это обращение показывало, что за Юлькой идёт «хвост». Привычка пользоваться подобными шифрованными штучками осталась у нас с самых давних пор, когда мы еще не отказывали себе в удовольствии сыграть в казаки-разбойники или в войнушку.

– Скрытно или явно? – спросила я.

– По-пионерски! – значит, явно.

– Много их?

– Двойку я давно исправила! – В ее голосе зазвучала искренняя обида.

– Юленька, сама можешь разобраться?

– Ба! Можно, я в «Детский» съезжу? Карнавал через две недели, а там маски, парики...

А? Я только гляну...

Карнавал, чёрт, какой еще карнавал... В голове у меня настоящий карнавал... Вот оно что! Она хочет оторваться от них в большом магазине. В «Детский мир» она, конечно, не поедет, скорее всего, ЦУМ. Ясно. А вдруг... Только бы не попытались сунуть ее в машину...

– Я поняла, это ЦУМ, да? – Юлька утвердительно замычала. – Юля, осторожнее, вдруг попробуют в машину затащить...

– Ну, ба! Ну, что я, маленькая? – Она снова заныла – Ой, ба! Я совсем забыла! Посмотри, мне кажется, что я утюг забыла выключить! Посмотри, пожалуйста! А то загорится! Еще минут пять и всё! Сама там разберись, ладно? А французский я потом выучу, с ним все в порядке. Целую, ба!

Значит, у меня есть пять минут. Что с утюгом, я не поняла. Иной раз большой недостаток шифрованного разговора заключался именно в том, что трудно было понять, что же именно зашифровали. Глубоко вздохнув несколько раз, я постаралась успокоить бешено бьющееся сердце. Так, сначала найдем утюг. Где он? Кажется, здесь. Я распахнула дверцы шкафа. Вот утюг. Что дальше? Соображай быстрее, старая корова! Стоп! В конце полки стояла шкапулочка, где лежала Юлькина наличность, а рядом перевернутая трёхлитровая банка, на нее натянут рыжий парик с длинными локонами. Вот он, карнавал... Ах, карнавал, удивительный мир, здесь...

Я шустро вытащила деньги, стянула парик, бросилась к зеркалу. Собрав за две секунды свою сумку, я вспомнила про мешочек. Времени на раздумья не оставалось, если его найдут у Юльки, ей не поздоровится. Я метнулась к кенгуру, сунула камни в сумочку и бросилась к дверям. Глянув напоследок на свое отражение в зеркале, я собралась расстроиться, но из-за дефицита времени передумала. Хотя в данной ситуации рыжий парик, делающий из меня даму не самых строгих правил, был только на пользу.

Я выглянула из квартиры. Вроде тихо. Аккуратно захлопнув за собой дверь, и сделав несколько осторожных шагов к лестнице, я замерла.

Сначала я даже ничего не слышала. Я чувствовала. Это были такие лёгкие и осторожные шаги, что казалось, человек не касается ступеньки. Через мгновение зашумела кабина лифта. Лифт шёл вверх, значит, у меня есть семь или восемь секунд, чтобы слиться со штукатуркой или с соседской дверью. Вариантов было два: остаться на месте, протянуть гостям мешочек и сказать:

– Я больше так не буду!

Потом, вероятно, я получу свой паспорт... нет, скорее, пулю в лоб, и на этом все быстро закончится. Вариант был неплох, если бы не одно «но» – умирать я не собиралась.

Поэтому я выбрала более избитый второй вариант: сняла туфли и стала живо подниматься наверх. Хотя и здесь могло быть несколько продолжений. Либо подняться на чердак и попросить выйти через другой подъезд, либо звонить в первую попавшуюся квартиру. Но здесь могла выйти накладка: увидев перед дверью незнакомую женщину с просьбой впустить ее в квартиру, запуганные москвичи могли поднять крик, который будет слышен не только в этом подъезде.

Поднявшись на два этажа, я прислушалась. Неожиданно двери лифта открылись этажом ниже, из него вышли двое мужчин и пошли вниз по лестнице. Я отпрянула от перил, стараясь производить как можно меньше шума. Хорошо, что успела подняться... Мой слух уловил какой-то тихий шепот, еле звякнула железка: они вошли в Юлькину квартиру. Времени не осталось ни секунды. Я поднялась на последний этаж и решительно потянулась к двери чердака.

Мы, слава богу, живём в Москве, а не в какой-нибудь отсталой Европе! Замок с двери был сбит, видимо, уже достаточно давно, новый вешать никто не собирался. Поднявшись на чердак, я остановилась. Вытащила зеркальце, достала из косметички все возможное для того, чтобы сделать губы потемней, румян я тоже не пожалела. Затем подвернула юбку повыше и перетянула ремешком, чтобы не сваливалась. Сняла пиджак, с трудом запихала его в сумку, оставив на плечах платок. Полупрозрачный топик как нельзя лучше дополнял задуманное.

– Ну, вот, – прошептала я, – теперь в коллекцию добавим еще и тип шлюхи.

Выбравшись на крышу, я никого на ней не обнаружила, кроме ворон, чему была очень рада. Решившись, подошла к краю.

В первое мгновение закружилась голова, и зазвенело в ушах. Встав на четвереньки, я почувствовала себя более уверенно. Глянув вниз, я увидела у первого и последнего подъездов черные джипы. Возле одного стояли трое, у другого – двое. И те, и другие изображали заинтересованный живой разговор, но, понаблюдав за ними, я поняла, что каждый из этих типов внимательно следит не только за подъездом, но и за всем двором.

– Ого, – хмыкнула я. – Просто расту в собственных глазах. Какое внимание к моей скромной персоне!

Значит, соседний подъезд отпадает. Я переместилась к другому краю крыши. Со стороны балконов никого не было, по крайней мере, из тех, кто интересовал меня, и кого интересовала я. Может, остаться на крыше позагорать, надеясь на то, что они не догадаются сюда подняться? Но они обязательно сюда поднимутся, это я знала не хуже их самих. Возможно, они уже поднимаются. Эта мысль придала мне активности. Я резво отползла от края, раздумывая, что делать.

– Безвыходных положений нет! – сказала вслух, пытаясь придать себе бодрости.

«Так, так! Выход, выход... Аварийный выход! Дом довольно старый, вполне может быть лестница. Но с какой стороны? В мамином доме она у последнего подъезда. Эх, пан или пропал!»

Я, боясь, как бы меня не увидели снизу, по-обезьяньи направилась в сторону последнего подъезда. Там у торца была лестница...

Встать на первую ступеньку было страшнее, чем мне казалось. Собравшись с духом, я зажмурилась и начала спуск. Через некоторое время открыла глаза и, глядя строго перед собой, постаралась двигаться быстрее. Больше всего мешали каблуки-шпильки. Но снять их заранее я не догадалась, а сбросить сейчас было страшно. Не знаю, сколько времени все это продолжалось, я глядела только на обшарпанную стену и раздумывала, сколько же человек из ближайших домов наблюдают за моими акробатическими упражнениями. Мне уже стало казаться, что я всю свою жизнь прожила на этой лестнице и ничего другого не знала. Но вдруг, опустив в очередной раз ногу на ступеньку, я почувствовала пустоту. Взглянув вниз, увидела, что до земли оставалось этажа два, а сама лестница прерывается, видимо, в целях безопасности подрастающего поколения. Времени висеть на лестнице не было, поэтому я стала спускаться на

руках, надеясь, что, если вытянусь от последней ступеньки во весь рост, до земли будет всё же ближе. Повиснув на последней ступеньке и, понимая, что обратного пути у меня нет, я решила сбросить туфли, чтобы не переломать ноги. Несмотря ни на какие обстоятельства, любимые туфли было очень жалко, поэтому я старалась аккуратно стащить их, чтобы не поцарапать. Извиваясь, словно гусеница на веревочке, подумала, что сейчас очень похожу на колбасу «Любительская», которую в нашем магазине развешивают в рядок за хвостик.

За углом дома послышался гомон, смех, и, как говорится, на простор речной волны выплыла весёлая компания. Кто это был, сразу мне разглядеть не удалось, пришлось немного повертеться. Убедившись, что это не поджидавшие меня поклонники, я ободрилась. Но подумала, что если вновьприбывшие граждане поднимут шум, то моим преследователям ничего не будет стоить выглянуть из-за угла.

Но шума не было. Пятеро мужиков различного размера и возраста, но одинаково поддавленные, смотрели на меня, разинув рот.

«Если они собираются простоять так еще часок, то я точно свалюсь», – подумала я, но тут самый молодой парень протянул:

– Во бя!

– Баба висит... – подтвердил другой.

Они дружно шагнули ко мне, с интересом разглядывая открывшиеся перспективы. Это было абсолютно излишним, поэтому я задргала ногами и жалобно пискнула. Тут ребята сообразили, что я вишу здесь не для разглядывания, а совсем в иных целях.

– Давай, давай! Поймаем! – забасил один из них, на вид самый высокий и крепкий.

Подойдя ближе, они протянули вверх руки и принялись меня подбадривать:

– Не бойсь, сигай, поймаем!

– Форточница, что ли?

Подобное предположение меня глубоко оскорбило, но выпендриваться было некогда, да и неудобно. Решив высказаться при встрече на земле, я покосилась вниз. На мой взгляд, до их рук было достаточно далеко, но обмануть сограждан я не могла, тем более что помогать мне я лично их не просила, но если им так хочется... Так что если я и подобью кому пяткой глаз, я не виновата.

– Только башмаки сбрось! – Опять раздался голос великана, и я послушно задргала ногами.

Но продолжительность висения значительно ослабила мою первоначальную хватку, и я, как была в туфлях, с печальным хрюканьем свалилась вниз. К моему счастью, попала я прямо в руки к этому здоровенному мужику, и, думается, он выдержал бы ещё пяток таких акробаток. Остальным спасателям повезло меньше: одному досталось мыском туфли в ухо, другому коленкой в грудь. Двое других не пострадали. Но, несмотря на ранения, и на то, что меня уже поймали, все они дружно придвинулись вплотную, заботливо подхватывая меня за те части тела, которые, по их мнению, еще могли упасть. Я поняла, что это могла быть моя грудь или бедра.

В первое мгновение, не справившись со слабостью в руках, я бессильно ткнулась носом в мужика, распластавшись на могучем плече на манер медузы. Но такая помощь со стороны быстро вернула меня к реальности. Я инстинктивно заёрзала на руках моего спасителя, и уцепилась за его шею, а он вдруг резко дёрнул плечом, махнул около себя рукой, и все новоявленные помощники шарахнулись в стороны.

Переведя дух, я с некоторым смущением поняла, что пикантная сцена затягивается. Завизжать, что ли? Но тут же отмела эту мысль как недостойную момента. Все-таки человек в какой-то мере рисковал, ловя меня с такой высоты. Я далеко не пушинка. Все еще держась двумя руками за его шею, я отодвинулась от необъятной груди, заглянула ему в глаза и... Вот странно... Они были тёмными, я даже не сразу поняла, какого цвета, и бездонными.

Мне показалось, что можно провалиться в эти очень странные глаза, провалиться так, что и не выбраться никогда. Небо, мрачное грозное небо... Река тёмно-лилового цвета бурлила и пенилась в ожидании грозы...

«Господи, сбрендила!» – мелькнуло в голове.

Вдруг каким-то шестым чувством я уловила, что люди за углом дома прекратили разговор и прислушиваются. Значит, через пару секунд кто-то из них выглянет, чтобы посмотреть, что здесь за шум. И он или они увидят меня и узнают. Я напряженно замерла, не в силах отвести взгляда от угла дома.

Боже мой, ну почему я все еще сижу здесь, когда уже минуты три как могла со всех ног бежать подальше? И я не просто сижу, а сижу на руках у мужика, которого увидела впервые пять минут назад!

Я запаниковала. Сделав безуспешную попытку спрыгнуть, поняла, что все пропало.

«Ну, ты же должен меня отпустить!» – закричала бы я очень громко, если бы тяжелые спазмы не сдавили горло, а из глаз не полились слезы...

Звук чётких ровных шагов раздавался уже совсем близко, и из-за угла появился высокий мужчина в темном плаще. В то же мгновение великан вдруг перекинул меня, словно куклу, на одну руку, другой быстро повернул к себе мою голову и впился поцелуем в губы. Придерживая пальцами за затылок, он почти полностью закрыл мое лицо своей рукой. От изумления я задохнулась. Но напряжение вдруг пропало, судорога отпустила горло, и мне стало наплевать, кто ходит около нас и зачем он это делает. Я, словно в пелене тумана, услышала рядом тихое шуршание, не замедляя шага, мужчина скрылся за другим углом дома.

– Ты, брат, даёшь! – сзади нас раздался гомон дружков моего дважды спасителя.

Он оторвался от моих губ и заглянул в глаза. Не могу точно припомнить, но, по-моему, я улыбалась как настоящая дура.

– Ну хоть под венец ставь, бля! – надрывался один из дружков.

– Молодцы, ребята, быстро!

– Ну ты, Сергеич, мастер!

Соскользнув, в конце концов, с рук Сергеича, я сообразила, что даже забыла покраснеть, хотя являюсь особой благовоспитанной и глубоко нравственной. Потоптавшись на месте, я понимала, что нужно быстрее уходить, но это у меня как-то не получалось. Ноги словно приросли к асфальту, и я с ужасом поняла, что уходить не хочу. Выдавив:

– Извините... – я собралась повернуться и увести себя, но Сергеич, поймав меня за руку, вдруг принялся вытирать мои слёзы своим платком, невыносимо белоснежным, и пахнущим чем-то очень приятным.

«Какой белый, – подумала я с неприязнью, не в силах отвести глаз от платка. – Значит, женат».

Почему меня обеспокоило его семейное положение, я и сама не понимала, но чувство неприязни осталось. Судя по платку, измазалась я как свинья.

«Похоже, шлюху отмыли как следует, – мелькнуло в голове. – Вот жена ему задаст за такой выразительный платочек!»

Наконец Сергеич закончил свою непривычную работу. Такими ладошками, конечно, привычнее кирпичи ломать, чем женские физиономии вытирать. Но, глянув в зеркальце, я увидела, что с задачей он вроде справился.

– Так намного лучше, – серьезно глядя на меня, сказал он.

– Извините, – неизвестно к чему брякнула я и пошла прочь.

Пройдя вдоль палисадника метров двадцать, вспомнила, что нужно поправить юбку. Торопливо одернув ее до нормальной длины, я оглянулась. Возле дома было пусто, словно никого и не было. Резко повернувшись, чтобы наконец уйти, я услышала, как каблук моей левой многострадальной туфли произнес:

– Пим! – и сломался.

С досады, а может, и от чего другого, я заревела снова и торопливо похромала подальше от Юлькиного дома.

Разыскав ближайший магазин и купив новые туфли, более подходящие для теперешней жизни, я зашла в отдел одежды и, выбрав первое попавшееся подходящее по размеру платье, вошла в кабинку для примерки. Там я быстренько надела пиджак, поправила юбку, проверила, на месте ли мешочек. Стянула парик и немного подкрасилась. Потом подумала и снова перепрятала мешочек, решив, что сумка недостаточно надежный тайник.

Вдруг занавеска кабинки поехала влево. Я замерла. В щель просунулось остренькое, как у мышки, лицо продавщицы:

– Дама, вам подходит? Будете брать? – Глазки-булавочки пытливо впились в мое лицо.

– Нет, – отозвалась я неожиданно громко. – Не буду!

Со злостью задернув занавеску, я выругалась. Руки дрожали.

«Нервы. Нервы, это нервы. И этот алкоголик – нервы. Так долго не протянуть... Но ведь умеют же некоторые целоваться...»

Приведя себя в порядок, я задумалась. По объяснению Юльки выходило, что я спокойно могу ехать к Танку. Но события развивались настолько стремительно, что быть в чем-то уверенной несерьезно. Решив не соваться никуда очертя голову, купила телефонную карту и пошла искать телефон-автомат. Настроение у меня было прескверное, хотелось кого-нибудь обругать, толкнуть или, на худой конец, двинуть сумкой. Но бросаться ни с того, ни с сего на окружающих было бы достаточно глупо, и я терпела.

Найдя, наконец, телефон, быстро набрала Ленкин номер.

– Я вас слушаю?! – раздался в трубке раздраженный голос, я поняла, что настроение подружки сродни моему.

– Ленка! – позвала я. – Это я! Как у тебя дела?

– Как всегда! У этих лягушатников вечно проблемы. Но я их уже видала в белых тапочках... Где Юлька, где ты, где все остальные и что сейчас делаем?

Ленка была сама краткость. Я осторожно спросила:

– У тебя тихо?

– Да. И я тебя жду.

Добираться до Ленки я решила на частнике. Метро мне до того опротивело, что я с трудом удерживалась от того, чтобы не давать клятвы никогда в него не заглядывать. Поклянись, а там кто знает, что понадобится? Так я и прыгала вдоль дороги, всем видом показывая, как мне необходимо ехать, и каждые две секунды оглядываясь по сторонам. Минуты через две около меня резко затормозили «Жигули». Темно-красного цвета. Вот и делайте, что хотите. Я с опаской заглянула в салон. Мозг требовал отойти отсюда подальше, но козлиное упрямство твердило, что иначе придется стоять здесь до ночи.

– Куда, красавица? – весело спросил водитель.

Это был крупный краснолицый детина, не слишком похожий на рыцаря. Я, словно овца, проблеяла адрес.

– Садись, полтишок и порядок!

«Бандит не стал бы называть цену, – замелькало у меня в голове. – Согласился бы, и всех дел. Обычный мужик, каждый второй такой. Мне надо ехать. Тогда вперед!»

Я полезла в машину, проклиная мужа, машину, метро, бриллианты и заодно весь мир. Стиснув покрепче зубы, чтобы они не выбивали барабанную дробь, уселась и решила: «Будь что будет!»

Водитель же, к счастью, оказался человеком душевным и разговорчивым. Поглядывая украдкой на меня в зеркало заднего вида, он повздыхал и спросил с сочувствием:

– Что это вы расстроенная такая? С мужем поссорились? Ничего, бывает... – Видя, что я, обрадовавшись такому повороту событий, усердно затрясла головой и загукала, словно филлин, тоже приободрился и продолжил: – Я тоже со своей, как расшаркаюсь – всё! Вдрызг! А потом глядишь – опять! Дело-то это такое – семейное...

Убедившись, что водитель не представляет для меня никакой опасности, я успокоилась и даже попыталась поддержать разговор. Но быстро поняла, что это практически невозможно, да и никому не нужно. Все выглядело приблизительно, как разговор с радио, вставить слово я так и не смогла. К счастью, водителем он оказался неплохим, и доехали мы очень быстро. Расплатившись, я выпорхнула на улицу, искренне пожелав ему всяческих благ.

Встретиться с Ленкой мы договорились недалеко от ее офиса, на бульваре. Подходя ближе, я увидела Ленку, беспокойно вышагивающую вдоль скамейки. Ее каблуки звонко цокали по асфальту. Мне не доводилось еще видеть Танка в таком взволнованном состоянии, и я испугалась.

Услышав мои шаги, она оглянулась и бросилась ко мне.

– Что ж ты так долго! – Она принялась трясти меня за плечи. – Ты в порядке?!

– Я-то в порядке, а Юлька? Что с ней? – Я очень боялась, что сейчас Ленка скажет что-то страшное.

– С ней все нормально, звонила, сейчас сюда едет. Что же ты по телефону не сказала, как смогла из дома выбраться, а? Мне Юлька как сказала, я обмерла. Ну, думаю, доигрались бабы! Что было-то? Да не молчи же, ей-богу!

Глядя на разволновавшуюся Ленку, я начала улыбаться. Скорее всего, это выглядело несколько глуповато, но сейчас я абсолютно точно была уверена в том, что не одна осталась на белом свете.

– За Юлькой шел «хвост», она тебе сказала?

Ленка кивнула:

– Ты эту малахольную не знаешь? «Бабуленька, за мной шел «хвостик», я их перестреляла. Я правильно сделала?» – писклявым голоском передразнила она Юльку. – Появится – все скажу, что я о вас с ней думаю. Просто боевик с гангстерами, да и только! – Ленка всплеснула руками и села на скамейку. – Садись, чего стоять напрасно. Она сюда придет. Давай ждать.

Она продолжала озабоченно качать головой и бормотать себе под нос, вероятно, что-то мало для меня приятное, поэтому я решила не прислушиваться, а дать Ленке успокоиться. Села рядом и закурила. Меня мучили угрызения совести: я без раздумий втянула подруг в свою игру, но заставлять их рисковать не имею права. Я повернулась к нахмуренной Ленке и, осторожно подбирая слова, сказала:

– Слушай, не сердись на то, что я тебе сейчас скажу. Понимаешь... Это не шутки. Я решила пойти к Остапову... Уверена, что он поможет. Он все узнает и просто это отдаст... Он...

Не успев договорить, я умолкла, потому что Ленка вдруг повернула ко мне голову, и я не сразу поняла, что же выражают ее распахнутые до предела глаза. Это было похоже на изумление, на растерянность, на оторопь или на все вместе взятое. Плюс непонимание. Поэтому я сочла за лучшее немного помолчать и узнать, сможет ли дорогая подруга справиться с такой гаммой чувств самостоятельно. Ленка набрала в грудь воздуха и, немного наклонившись ко мне, выдохнула чуть слышно:

– Отдать?.. Это?.. Им?.. После всего?.. После того как они гоняли нашу девочку по всей Москве? – Ленка отпрянула и развела руками. – Да пусть все эти жулики сдохнут! Напугали сначала бедных женщин до полусмерти, а теперь – отдайте! Здрасьте-пожалуйста! Фигу им! – Она посмотрела мне в глаза. – Ты что, Кадасова, заболела?

– Нет! – Я радостно затрясла головой. – Я в порядке! А я и сама подумала, а какого хрена?

Юлька выскочила перед нами из кустов неожиданно, словно чертик из табакерки. Мы с Танком смотрели на нее и не могли сказать ни слова. Мало того, что она была одета в длинную, до пят, белую вязаную безрукавку, ее волосы были распущены, на лице аккуратный макияж, словно она только что вышла из салона. Непривычно и странно смотрелась помада: такая темная, что казалась почти черной. И хотя нам это превращение было вполне понятно, в первую секунду я немного растерялась. Первой опомнилась Ленка.

– Юлька! Наконец! Садись сюда! – Она похлопала рукой по скамейке.

Я немного подвинулась, освобождая для Юльки место в середине. Безмерно довольная произведенным эффектом, та сияла, словно начищенный башмак.

– Рассказывай, не томи! – Ленка сердито толкнула Юльку в плечо. – Давай с самого начала.

– С самого, так с самого, – покладисто согласилась та.

Выйдя утром из дома, Юлька решила ехать до галереи на метро. Благополучно добравшись до места, она не вошла сразу, а посидела у входа на лавочке. Хотела закурить, но справедливо рассудила, что может несколько нарушить правдивость созданного образа. Что сказать при входе охране и куда пройти внутри здания, я Юльке объяснила подробно, поэтому все получилось естественно и гладко. Добравшись до офиса, Юлька огляделась. За столом у окна сидела наша секретарша Верочка. Верочка необычайно красива. Если бы она была столь же умна, проблем в ее жизни поубавилось бы. Но для первого контакта с клиентом она вполне подходила. Задержать или, в зависимости от обстоятельств, сплавить кого-то в нужный момент она могла, поэтому мы довольно мирно сосуществовали уже года два.

Подойдя к Верочкиному столу, наивно и широко распахнув глаза, наша Юлия Геннадьевна поинтересовалась:

– А можно поговорить с Алевтиной Георгиевной?

Не успела Верочка открыть рот, чтобы ответить Юльке, как та уловила за своей спиной движение. Справедливо рассудив, что, изображая девочку-подростка, уместнее будет вести себя открыто и непосредственно, Юлька развернулась на шорох. Симпатичный мужчина, одетый в безукоризненный летний костюм, сидел в кресле у двери и, широко улыбаясь, смотрел на Юльку. Несколько мгновений наша малышка хлопала ресницами на шелковый платок на шее джентльмена, потом улыбнулась. Он встал и, выйдя на середину, несколько церемонно наклонил голову:

– Кому же это понадобилась наша Алевтина Георгиевна?

Юлька скромно потупилась, как и подобает приличной девочке, когда с ней заговаривает незнакомый мужчина. На самом деле она преследовала несколько другую цель: на столь близком расстоянии несложно заметить, что девочке несколько больше лет, чем она изображает.

– Мне нужно с ней поговорить, – храбро сказала наша малышка. – Она здесь?

– А когда вы с ней договорились встретиться? – Видимо, отвечать вопросом на вопрос было у молодого человека в привычке.

– Это не я договорилась. Это моя бабуля. Она сюда заходила, ей сказали, что Алевтина Георгиевна лучше всех в этом понимает. Вот она все ей и отдала. Алевтина Георгиевна сказала, что сегодня обязательно будет, и чтоб я сама пришла. А ее нет, что ли? – Юльке пришлось сурово наморщить лоб, чтобы показать, что отсутствие Алевтины Георгиевны она не одобряет.

Во время этого вдохновенного монолога из коридора в приемную вошел еще один мужчина. Внешность его не внушала доверия. Как выразилась Юлька, от доверия его рожа была достаточно далека. Он был старше первого и крупнее. Щеки на оплывшем лице были подер-

нуты красной сеткой сосудов, небольшие серые глазки были пусты и равнодушны, словно у змеи. К тому же он принялся бесцеремонно разглядывать Юльку и хмыкать со свинской улыбкой. Все это Юльке ой как не понравилось, но делать было нечего, тем более что путь к отступлению был отрезан.

– Чего отдала-то? – Второй мужчина явно не был расположен к сантиментам. – Толком можешь сказать?

Юльке пришлось надуть губы и презрительно сощурить глаза:

– Как чего? Мои работы, естественно! Акварель, карандаш, восемь эскизов. А что?

Не сводившие до этого момента с Юльки пристального взгляда мужики переглянулись. Толстый повернулся и что-то очень тихо сказал. Первый пожал плечами.

– Не знаю. Я не думаю.

У Юльки сложилось впечатление, что второй предлагает более подробно расспросить ее о чём-то, конечно, вероятнее всего, обо мне. Но было похоже, что они потеряли к ней интерес. Воспользовавшись перерывом в переговорах, Юлька живо обернулась к Верочке. Стараясь говорить проникновенно, она спросила:

– А они тоже к Алевтине Георгиевне? Они первые? А они надолго?

Верочка кивнула. Она выглядела растерянной и подавленной:

– К ней. А Алевтины Георгиевны нет. И куда она подевалась, ума не приложу. Дома ее нет. Не знаю, как мне быть? – Она испуганно глянула за Юлькину спину на разговаривающих мужчин, и добавила, вздохнув: – Не нравятся они мне. Спрашивали ее адрес, а как я его дам, я не могу. Где ее найти, где ее найти! Откуда мне знать?

Верочка принялась вздыхать так жалобно, что растрогала нежную Юлькину душу. Но, вовремя спохватившись, она решила не раскрывать бедной секретарше секрета моего исчезновения. Решив, что узнала уже вполне достаточно, Юлька сказала Верочке «спасибо» и известила, что зайдет завтра. Та рассеянно кивнула, а Юлька, косясь одним глазом на неприятеля, поплыла к дверям.

Когда до двери оставалась пара шагов, Юлька услышала, как первый джентльмен вдруг сказал:

– Ну, девушка, что надумала?

Тон его был не из приятных. Таким тоном не желают доброго здоровья и уж точно не приглашают девушек на свидания. Юлька представила, как съежилась бедная Верочка, и начала плавно тормозить, делая вид, что у нее расстегнулась туфелька. А Верочка, опять вздохнув, ответила:

– Не знаю я, где она, ну, не знаю! Может, случилось что, не дай бог, или у подруги какой (Юлька судорожно сглотнула). Может, уехала, она же не привязанная! Она начальник и мне не докладывается. Сказала вчера: позвоню – и все!

– У подруги? Это интересно! А много у нее подруг?

– Очень много! Алевтина Георгиевна очень общительная. У нее всегда люди. Мне ее иногда даже жалко, поесть не успевает. Каждому время найдет, а сама голодная...

– Телефоны подруг есть?

– Да не всех, конечно. Просто я помню, кому она чаще звонит...

– Напиши...

Это подал голос второй приятный дяденька, и Юлька поняла, что Верочка даст им все телефоны, какие только помнит, включая телефон своей бабушки. Она судорожно пыталась сообразить, как узнать, чьи телефоны напишет Верочка. Но мыслей в голове не было ни одной, не только умных, но даже и глупых.

И тут Верочка сказала:

– Вот эти я помню, а остальные не могу найти. Может, телефонную книжку Алевтина Георгиевна забрала, она иногда домой берет, новые телефоны переписать...

Тот, что был помоложе, взял из рук Верочки бумажку и прочитал:

– Королёва Юлия Геннадьевна... Давай, Конус, начнём...

Услышав свою собственную фамилию из уст джентльмена, Юлька опешила. Верочкина обычно довольно плохая память на сей раз сыграла с нами злую шутку.

– Чтоб тебя разобрало... – прошипела Юлька. – Что делать-то?

Ясно было только, что выбираться оттуда ей следует незамедлительно. Юлька, прикидываясь собственной тенью, засемила к выходу. Звонить из галереи она не решилась. Выйдя без всяких приключений на улицу, она собралась перевести дух и разыскать телефон, как вдруг заметила, что следом за ней, не торопясь и насвистывая, вышел молодой парень в спортивном костюме. От предчувствия у Юльки заныли зубы.

«Только не торопись, – сказала она себе. – Может, это тебе только кажется».

Она не спеша пошла по улице, то и дело останавливаясь, чтобы посмотреть на витрины, аккуратно переходя дороги по переходам, дождавшись зеленого сигнала светофора. Эти нехитрые манипуляции позволили ей убедиться в том, что молодой человек в спортивном костюме, рассеянно глядящий по сторонам, точно повторяет весь Юлькин путь, словно идет по следу. Причем делает это довольно небрежно, нимало не заботясь о том, что она может его заметить. Такое пренебрежение к своей персоне Юльку обидело. Как ей казалось, у нее получилось изобразить шестнадцатилетнего подростка, а не семилетнего дебила. Она было решила сразу заняться воспитанием молодого человека, но вовремя одумалась. Времени оставалось в обрез. Если считать, что до ее дома от галереи на машине ехать минут двадцать, то пять она уже потратила на выявление «хвоста».

«Погоди немного, – про себя пригрозила Юлька спортсмену, – я тебе устрою!»

Поиск телефона-автомата едва не поверг подругу в шок. Половина телефонов не работали, а исправные были карточными. У Юльки же были жетоны. Метаться в поисках телефона, работающего на жетонах, было невозможно. Ведь всем известно, что сегодняшние тинэйджеры ребята невозмутимые, они не будут особо убиваться, если не могут позвонить бабушке. Приходилось вести себя совершенно спокойно и неторопливо искать подходящий телефон. Но время текло как песок сквозь пальцы. В дополнение к прочим радостям Юлька обнаружила, что ее сопровождает не один, а два милых юноши в одинаковых костюмах. К счастью, у одного из них на брюках была широкая белая полоса, иначе Юльке было бы трудно ориентироваться.

Увидев, в конце концов, нужный работающий автомат, подруга обрадовалась ему, как уезжающему дальнему родственнику.

– Ей-богу, я себя чувствовала Шараповым. Мне тебя, Алька, хотелось назвать Лёлей, правда! – Юлька смеялась, мы с Ленкой, глядя на нее, тоже хихикали, хотя смеяться, в общем-то, было не над чем. – Я с тобой говорю, а он вокруг будки ходит. Свистит и ключики вверх подбрасывает. Вот щенок! Разозлилась я, жуть! Боялась только, что у тебя времени мало. И вдруг, думаю, про парик не сообразишь. Но я в тебя верила, ты же баба умная. Но что, девчонки, меня поражает, так это скорость, с которой они по телефону узнали адрес. Ну не за две же минуты! Хоть пять минут да надо! И еще доехать... Нехорошо все это, ой, нехорошо!

– Они в Мосгорсправке работают, вот и все, – съязвила Ленка, качая головой. – Ладно, не нагоняй панику, чего уж теперь... Расскажи лучше, как «хвост» сбросила. А потом я вам кое-что скажу. Есть у меня мысль интересная.

Юлька продолжала:

– Дошли мы со спортсменами до ЦУМа. «Хвост» мой идет, старается. Смотрю, в магазине вроде разошлись немного, следят, значит. Я сначала, конечно, душу отвела, все отделы облазила, устала даже. Пришли к нижнему белью, пацаны вроде сунулись, да назад сдали. А рядом-то ничего подходящего для них нет, не на что им, бедным, смотреть. Тут трусы, тут комбинации, тут косметика, там духи! А там, помните, кабинки такие, на два отдела сразу, стенки нет, только шторки висят. Ребята за уголок отступили, но иногда выглядывают. Не вол-

нуются, думают, что я вроде как в углу. А из второго-то отдела выход сквозной, вообще в другую сторону. Я какую-то майку взяла, в кабинку вошла, надела купленную по дороге безрукавку, носочки сняла, волосы расчесала. Быстро все, даже руки затряслись. Но все хорошо сделала. Глаза подвела, помаду эту темную. Смотрю: и, правда, не я! Ну а дальше дело техники. Через другой отдел да в лифт. Вот и все. Но я бы дорого дала, чтобы на моих пацанов посмотреть!

Юлька потянулась и закричала:

– Бедная я, бедная! Все кости болят! Я старая и больная, а вы меня заставляете весь день с пацанами наперегонки бегать. Нехорошо, девочки!

– Молчи, Юлька! – перебила Ленка. – Кадасова вон весь день как макака по крышам прыгала, и ничего! Далее! Думаю, пора признать, девушки, что в нашей с вами размеренной жизни произошли некоторые изменения.

Мы с Юлькой согласно затрясли головами.

– Так вот. – Ленка многозначительно изогнула брови, подняла вверх указательный палец и посмотрела на нас сверху вниз.

Мы превратились в слух, потому что наша Ленка иногда говорит очень дельные вещи. Она всегда составляет план максимум, а план минимум – это наша с Юлькой забота.

– Тебе, Алевтина, нужно, вернее необходимо, уехать. И я знаю, как и куда.

– И куда? – Я и сама раздумывала над этим вопросом, но ничего путного в голову не приходило.

– За границу!

Юлька, до этого момента серьезно и внимательно наблюдавшая за Ленкой, вдруг фыркнула и покатила со смеху.

– Что она у нас, белая гвардия? Побег с родины? Этого вы никогда не добьетесь, гражданин Гадюкин!

Я тоже неуверенно посмотрела на Ленку, и уточнила:

– Надеюсь, ты не имеешь в виду ПМЖ? Чего я там забыла? Мне что туда, что помереть – одинаково... А если ты говоришь о той турпоездке в Испанию, то это только через месяц. А за месяц меня сто раз найдут, и Испания не понадобится.

– Слушай сюда, – оборвала меня Ленка. – Зачем я, по-твоему, на работу сегодня ездила?

– Откуда же я знаю? – удивилась я.

– Груз, принадлежащий нашей фирме, сегодня застрял на границе.

– И что? – Мы с Юлькой начали терять терпение и велели Танку кончать тянуть кота за хвост, не то ей придется об этом пожалеть.

– Да дайте же объяснить, бестолковые! Разжуешь, в рот им кладешь, а они вякают! – Елена Борисовна посуровела и продолжала: – Месье Жерар... Въехали? Я вам сто раз про него говорила! Завтра должен уехать в Грецию!

– Слава богу! – скорчила рожу Юлька. – Не знаю, как бы я перенесла, если бы этого не случилось! Нам-то что с того?

Ленка вздохнула, как у постели тяжелобольного, покачала головой и вдруг рявкнула:

– Да не может он поехать в такой ситуации с грузом, дуры вы эти! Это же колоссальные деньги, нервотрепка жуткая! Груз пропадет, разворуют или еще что! Вариантов куча.

– А смысл? – Юлька упорно стояла на своем, хотя я, кажется, начала догадываться.

– Думаешь, я смогу уехать вместо него? – Я подняла глаза на Ленку.

Она всплеснула руками и воскликнула:

– Дошла молитва до бога! Наконец-то! Только не вместо него, а вместо его жены.

Я обомлела, а Юлька крикнула. Ленка, не обращая на нас больше никакого внимания, продолжала:

– Вместо него самого поедет заведующий отделом рекламы, тоже француз, но, в общем, мужик нормальный. Французы народ жутко экономный, отказаться от поездки поздно, это тоже влетит в копеечку, у них там свои нюансы... Вот его и решили наладить в Грецию, у него все одно отпуск. А я как узнала, меня словно токомшибануло – вот оно! Я и подсуетилась. Пятьдесят процентов оплатим и прочее. Месяе Жерар мужик ничего, малость жадноват, конечно, но в пределах. Короче, необходимо срочно забрать твой загранпаспорт... Он у тебя не просрочен? Нет? И прекрасно.

– А реально ли это? – усомнилась я. – Сейчас, конечно, не тридцать седьмой год, но вот так выехать за границу... За двадцать минут...

– Все реально. Иначе бы и разговора не было. Ты в загранпаспорте с чьей фамилией?

– С Антошкиной.

– И кто-то говорил о реальности! Живет по бессчетному количеству паспортов и жалуется! Не дрейфьте, мадам Аникушина, поедете по первому классу в паре с месяе Антуаном Дюпре. Вылет в восемь ноль-ноль! Будете благодарны, потом еще попроситесь!

– Ты знаешь, – протянула Юлька с сомнением в голосе, – я бы подумала, прежде чем отпускать мадам в турне наедине с французом. Французы мужики боевые, а у нашей мадам привычка, чуть что, выходить замуж. Опасаюсь я за ее нравственный облик.

Она скривила рожу и затрясла головой, вероятно решив, что брякнула что-то шибко умное. Я, конечно, не удержалась и треснула ее по загривку сумочкой. Но не очень сильно. Больше в воспитательных целях.

– Уверена, что он не в ее вкусе, – бросила Танк и озабоченно продолжала: – Во-первых, сейчас поедем в турфирму, во-вторых, деньги... Так, это сейчас придумаем... В-третьих, Алька, – она посмотрела на меня, – как ты считаешь, есть ли у нас шанс взять какие-нибудь твои вещи из дома?

Вопрос, как говорится, был интересным. Вообще-то у меня была одна мысль насчет того, как попасть домой, но только это должна быть не я, а... Над подходящей кандидатурой следовало поразмыслить как следует.

– Кое-что, безусловно, можно купить. Ну там зубную щетку или купальник. Нельзя же в Грецию без купальника? – Юлька захлопала длинными ресницами, пытаясь внести посильную лепту в происходящее. – Но ведь всего не купишь. Ну пошарили они там, никого нет, никто не живет... Чего им там делать? Мне тоже кажется, что надо попробовать... но только не нам...

Как всегда, по важным вопросам наши мнения совпадали. Посовещавшись еще минут пятнадцать, мы взяли за дело.

Справедливо рассудив, что в нынешнем положении наиболее важным является получение моего загранпаспорта, мы отправились в туристическую фирму с оригинальным названием «Ветер». Моего мужа легкомысленное название фирмы не смутило, поэтому он недрогнувшей рукой отнес туда наши паспорта и деньги. Деньги, естественно, были мои. Оформление путевок и прочих необходимых бумажек затягивалось подозрительно долго. И вот сейчас, подъезжая к дверям «Ветра», я вдруг подумала, что не очень удивлюсь, если вместо фирмы обнаружу магазин или баню. Но фирма почему-то оказалась на прежнем месте, и я посчитала это хорошим знаком.

Быстро осмотревшись по сторонам, Танк уверенно направилась к блондинистой девице, со скучающим видом сидевшей за столом в углу холла. Растянув рот до ушей, Ленка подошла вплотную к столу, оперлась о него костяшками обеих рук, чуть наклонилась вперед и жизнерадостно грохнула:

– Здравствуйте!

Девушка посерела лицом, как-то сжалась и испуганно кивнула Ленке:

– Здрась...те-е...

Мы с Юлькой поняли, что в целях экономии времени Ленка решила применить самый быстрый и надежный способ изъятия паспорта – взятие за горло. Она развернулась к нам и, ободряюще кивая головой, попросила:

– Подождите меня пару минут, я сейчас!

Мы послушно кивнули и сели в кресла, красивые, но страшно неудобные. Устроившись, мы с Юлькой с ожиданием и жалостью уставились на девушку, которая, часто моргая, торопливо отвечала на Ленкины вопросы. К нашему сожалению, через несколько секунд обе они ушли в другую комнату, где, вероятнее всего, и происходило оформление путевок.

Не теряя времени, мы с Юлькой начали обсуждать план проникновения в мою квартиру. Я решила не ездить к Антону. Во-первых, в моей квартире есть все нужные вещи, во-вторых, не было желания встречаться ни с благоверным, ни с его мамашей, да и с сестричкой тоже. Еще я решилась съездить на квартиру моих родителей. Она пустовала уже три года, с того самого дня, как они погибли. Сама там жить я не могла, поэтому никогда не ездила туда с Антоном. Он просто знал, что у меня есть еще одна квартира, но не знал где. Свекровь и золовка, по-моему, о ней даже не слышали, и думаю, что мало кто из старых знакомых о ней помнил, так что я не волновалась. Переночевать-то сегодня где-нибудь надо, пожалуй, лучшего места не найти.

Тут я вспомнила про бедную Верочку. В галерею необходимо позвонить, успокоить всех и раздать указания на ближайшее время.

Пока Ленка буйствовала в кабинете директора, я, позаимствовав у Юльки сигарету, вышла на улицу. Курит Юлька сигареты необычные, очень длинные и тонкие, словно соломинка для коктейля, пахнущие вишней.

«Эстетка!» – хмыкнула я.

Подойдя к телефону-автомату, огляделась, сняла трубку, и с радостью убедилась, что она подает признаки жизни.

Услышав мой голос, Верочка онемела от счастья. Оправившись, она принялась тараторить как заводная, мешая все в кучу, пытаясь объяснить все разом. Мне пришлось ее успокаивать, хотя у самой глаза были на мокром месте: о такой любви ко мне со стороны Верочки я не подозревала. Выложив наконец всю информацию, Верочка замялась, явно не зная, как сказать что-то, ее тяготившее. Сообразив, о чем идет речь, я сказала:

– Верочка, не волнуйся. Ты хочешь сказать, что кто-то просил тебя рассказать, если я позвоню?

Верочка всхлипнула и утвердительно замычала.

– Они, что, рядом?

– Нет, Алевтина Георгиевна. Он в бар пошел. Сидит и сидит рядом. Целый день сидит. А я его боюсь, Алевтина Георгиевна. Две минуты назад ушел, и вы позвонили.

Я порадовалась удаче. Если бы этот таинственный гость был рядом, когда я позвонила, неизвестно, что бы получилось. Поговорить уж точно бы не пришлось.

– Не бойся, скажи, что звонила, сказала, что на месяц уеду. Куда – ты не знаешь. А всем нашим передай, что я сказала. Что кому делать, все знают, не беспокойтесь, скоро вернусь. Да, Верочка, тебе позвонит Елена Борисовна. Помнишь ее? Она тебе еще кое-что объяснит, слушайся ее.

Распрощавшись с повеселевшей Верочкой, я закурила и задумалась. Жизнь моя, размеренная и относительно спокойная, в одно мгновение перевернулась вверх дном. Вместо того чтобы заниматься любимым делом, я бегу, словно заяц, которого гонят по полю борзые. И все из-за маленького рыжего паренька. А я всего лишь слабая женщина, у которой на всем белом свете есть лишь две верные подружки. И некуда мне приклонить мою бедную головушку. Тут, совсем некстати, я почему-то вспомнила Сергеича. И даже зажмурилась, так явственно вдруг

ощутила его могучий торс, крепкие руки, на которых я, не мелкая, в общем-то, девочка, сидела, словно в кресле.

«Это все гормоны», – печально подумала я.

И до того мне стало себя жалко, что я чуть не всплакнула. Но, вовремя вспомнив, что накрашена, рыдать не стала. Щелчком послав окурок точно в урну, вздохнула. В груди вдруг гулко застучало, я ощутила противную маету, как тогда, в метро. Стало знобко, в горле опять появился комок.

«Ну что за дрянь такая! – с тоской подумала я. – Опять!»

Я сочла за лучшее быстренько вернуться в «Ветер».

Юлька с удивлением глянула на мою кислую физиономию и покачала головой. Потом усмехнулась и сказала:

– Алевтина, только не говори, что все это тебе не нравится!

И больше всего меня огорчало то, что дорогая подруга была права на все сто процентов.

Через сорок минут после начала операции фирма «Ветер» была повержена в пух и прах и жалко валялась у наших ног в пыли и позоре. Проутюжившая противника тяжелыми гусеницами, Ленка довольно улыбалась, клянясь, что директор этого заведения заработал себе язву желудка, а заодно и вечную мигрень. Мне немедленно вернули не только загранпаспорт, но и все деньги полностью. Ленка утверждала, что директор отмусоливал денежки прямо из своего собственного кошелька. Я же говорила: не зря Ленку еще с детства прозвали Танком.

Мы сидели в небольшом уютном ресторанчике, с увлечением поглощали пищу и слушали Ленку. Подобные рассказы необычайно улучшают настроение, по крайней мере, мое.

– Выпьем, девушки, за успех! – с чувством произнесла Ленка. – Чует мое сердце, не скоро это закончится.

Мы звякнули бокалами и выпили. За хорошие слова чего ж не выпить? Я имею в виду первую половину тоста.

– А что там еще у тебя сердце чует? – поинтересовалась Юлька. – Поприличнее прогнозов нету?

– Да сколько угодно! – широко разведя руки, пропела Елена Борисовна, пока еще, к счастью, не слишком громко. – Думаешь, ничего не выйдет? Юлёк, зайчик, да ты что? У нас-то? Перекрестись!

Положительно, моим подружкам хватит на сегодня крепких напитков. Они так долго были на нервах, что теперь плыли на глазах. Уж с кем, с кем, а с Еленой Борисовной такого раньше никогда не бывало. Решив направить их энергию в деловое русло, я внесла предложение:

– Девчонки, давайте поговорим о насущном.

Мы решили разделиться. Времени слишком мало, а сделать надо было много. Но сначала я взяла Ленкин сотовый и набрала знакомый номер.

– Здравствуйте, вас слушают! – раздался бодрый голос, и сердце мое громко ухнуло.

От результата этого разговора зависело многое. Ленка и Юлька, сидевшие напротив меня, одинаково сцепили пальцы и закусили нижнюю губу. Да, многолетнее общение не проходит бесследно. Я улыбнулась и... успокоилась.

– Алло!? Саша?! – Лесная лань грациозно качнула точеной шейкой и чуть опустила пушистые ресницы. – Здравствуйте! Это Алевтина Георгиевна.

Телохранитель моего бесценного первого мужа радостно ойкнул и закричал:

– Алевтина Георгиевна! Рад вас слышать! Как поживаете? Что ж не заходите? Ведь обещались!

Лань печально вздохнула:

– Я бы рада, Сашенька. Я помню, что зайти обещала. Просто сейчас... Для меня это неудобно... – Лань пугливо перебирала крошечными копытцами и мелко дрожала. – Помните, я у вас спрашивала, не искал ли кто меня... Кто-нибудь искал, Саша?

Эффект был потрясающий. Саша заволновался. А разволновать Сашу, уверяю вас, непросто. Обычно для этого требуется небольшое землетрясение или цунами. Но я подозреваю, что Саша до сих пор считал себя ответственным за мою сохранность, несмотря на то, что я ушла от Андрея больше года назад.

– Алевтина Георгиевна, у вас что-то случилось, я чувствую. – Я мысленно усмехнулась. – Не надо ничего скрывать, расскажите мне все (а вот здесь, брат, ты не попал), я вам помогу (а вот это правильно!), не волнуйтесь (легче сказать, чем сделать).

– Мне это не очень удобно, Саша...

– О чем вы? Алевтина Георгиевна, перестаньте волноваться, очень прошу. Да я очень рад буду, если смогу чем помочь, и Андрей Дмитриевич тоже. (Что-то, Саша, тебя не в ту степь понесло.) Может, вам по телефону говорить неудобно, так я могу подъехать. Андрей Дмитриевич в отъезде, я свободен.

Слушая Сашу, я мысленно его нахваливала. Что за умница мужик! Где сейчас еще таких найдешь? Помогу, и без лишних разговоров! Вот что значит сибиряк! Посомневавшись еще немного для порядка, я согласилась поговорить с Сашей и поделиться своими проблемами. Договорившись встретиться через два часа в ближайшем сквере, мы распрощались. Я вернула Ленке телефон. Дорогие подружки смотрели на меня с уважением.

– А голос! – всхлипнула Ленка. – Я чуть не разрыдалась.

– Джулия Ламберт, да и только! – Юлька, кривляясь, закатила глаза. – И вот ведь верят ей! Ведь верят!

Я скромно опустила глазки и улыбнулась. Не знаю, хорошо ли поступает человек, меняющий при первой необходимости одну маску на другую, но, если нервы твои не стальная проволока и ты ой как не любишь показывать другим свои чувства, что еще остается? Для меня невелик труд пообщаться с интеллигентной старушкой в музее или побеседовать с грузчиком из винного. Неважно, кто с тобой разговаривает, главное чувствовать собеседника, его настрой. Чувствовать и использовать. Но нельзя раскрываться самому. Это втолковывал мне, и не один год, человек, знающий, о чём говорит.

Наконец мы разбежались. Ленка – заниматься завтрашним отъездом, а Юлька вызволять мою красавицу, мою ласточку из автосервиса. Я же направила свои стопы в косметический салон, находящийся недалеко от нужного мне сквера.

Салон был так себе, средней руки, но в моих обстоятельствах не до жиру, и я питала надежду, что все обойдется благополучно. Администратор присутствовала, разговаривала весьма вежливо, кофе, правда, не предлагали, но не это главное. Зал небольшой, зато чистый. Растолковав мастеру, что мне нужно, я добавила:

– На все полтора часа – это максимум.

Она согласно кивнула, мол, понятно, а я уселась в кресло переживать. Я с подозрением следила за манипуляциями парикмахера, но, вскоре успокоилась. Похоже, дама дело свое знала, и инструмент был вполне подходящий. А я очень уважаю людей, знающих свое дело.

Пролетел час. Я попросила телефон и позвонила Ленке.

– Я вас слушаю?! – Ленка была деловита и спокойна. Как танк.

– Дорогая, это я! – Я искоса глянула на парикмахершу. Она деликатно отошла. На один шаг. – Как дела?

– Интереснейшие новости. Но не по телефону. Дальше... У меня, то есть у тебя, полный порядок. Единственное – вылет не в восемь утра, а в шестнадцать тридцать. Но не беда. Юлька позвонила, машину взяла без проблем, сделали все... Так, что еще... Вроде все. Встречаемся, как договорились. Только все же давай сразу по плану «Б», а? Ну чем черт не шутит, мало ли. Никому доверять нельзя. Как ты считаешь?

Я считала точно так же, поэтому с Ленкой согласилась:

– Давай по «Б», только не суйтесь на глаза, он ведь мою машину знает.

– Ага. Мне тут еще переговорить с человечком надо, и я свободна. Пока, дорогая!

– Пока!

По плану «А» мы шли на встречу с Сашей втроем. По плану «Б» я отправлялась к Саше одна, решив на всякий случай перестраховаться и не показывать, что девчонки в курсе событий. Однако если я сочту, что они нужны, я должна закурить, и «проходящие мимо» подруги к нам присоединятся.

Положив телефонную трубку, я снова покосилась на парикмахершу. Во время моего разговора она стояла за креслом, едва не навалившись на его спинку. Вдобавок она так сопела мне на ухо, что я плохо слышала Ленку. По всей видимости, у нее проблемы со слухом, оттого бедняжка и маялась.

Взглянув на себя в зеркало, сначала я, честно сказать, вздрогнула, но сразу взяла себя в руки. Выглядела я страшно непривычно, но вполне миленько. Я бы даже сказала – премилененько. Немедленно простив парикмахерше ее любопытство, я улыбнулась, продемонстрировав все, что ещё совсем недавно с таким усердием полировал мой дантист. Я сделалась теперь блондинкой, и мое каре до плеч превратилось в коротенькую озорную стрижку. Я так сама себе понравилась, что, глядя в зеркало, чуть было не исполнила нечто веселенькое и ритмичное. Но, вовремя опомнившись, рассыпалась в благодарностях и оставила щедрые чаевые. Распроцавшись, я вышла на улицу, сияя, словно подсолнух.

Понимая, что настроение абсолютно не соответствует предстоящей встрече, я раздумывала, чем бы его испортить, чтобы придать себе вид голодной лани.

Глянув на часы, я ахнула. До встречи с Сашей оставалось семь минут, а мне идти не меньше. Не могу же я влететь в сквер, словно бронепоезд под парами. Я планировала сидеть там с грустно опущенной головой, тяжело вздыхая. Саша всегда очень чутко реагировал, когда я была расстроена, и гарантированно добиться от него помощи можно, лишь заставив его поверить, что я чуть ли не при смерти. Тогда он сделает все, что я попрошу, а не будет ломать голову вопросом: «А на фига это надо?»

Раздумывая над этим, я понеслась, не разбирая дороги, в сторону сквера, лихорадочно придумывая, как себя вести. Саша – парень аккуратный и обстоятельный, он запросто может прийти минут на пять пораньше.

Оставалось две минуты, когда я подлетела к месту встречи, правда, с другого конца сквера, со стороны колючего кустарника. Саши не было видно, это меня ободрило. Решив не терять времени, я рванула через кусты, о чем сразу же пожалела. Колючки здесь были такие, что запросто могли проткнуть насквозь. Видимо, я оказалась первым добровольцем, рискнувшим пойти на такой поступок со времени посадки этого зловредного растения. Иначе здесь непременно должны были бы висеть скелеты несчастных. Расцарапав себе левую ладонь до крови, я молча и с достоинством выпала из кустов на асфальт. Обматерив про себя всю известную мне флору, а чтобы не ошибиться, и фауну, я похромала к скамейке. Только я успела опуститься на нее, показался Саша, как всегда весь безукоризненно отглаженный и улыбающийся.

Минута в минуту. Отдышаться после иглотерапии я еще не успела, из расцарапанной ладони сочилась кровь, и царапина здорово щипала. Все это отражалось на моей физиономии, выглядело, похоже, на пять баллов и нужное впечатление произвело. Потому что Саша, не доходя до меня, остановился и вытаращил глаза, чего раньше мне никогда видеть не приходи-

лось. Конечно, мой новый имидж сбил его с толку, и парень растерялся. Но не такой он человек, чтобы полдня стоять с открытым ртом, поэтому рот он закрыл, твердой походкой подошел к скамейке, сел рядом и сказал:

– Добрый вечер, Алевтина Георгиевна!

При этом глаз от меня оторвать он не мог и, что говорить дальше, не знал. Я грустно улыбнулась и ответила:

– Здравствуйте, Саша!

Потоки крови показывать было еще рано, поэтому я сжала ладонь, с печалью думая, что могу перепачкать себе одежду. Между тем Саша, немного помявшись, спросил:

– Алевтина Георгиевна, вы что, плакали?

Поморгав, я не нашлась, что ответить, потому что никак не могла вспомнить, плакала ли я сегодня (или вчера?), и как лучше сказать: то ли «да», я плакала, то ли – собираюсь, если ты мне не поможешь. Поэтому я несколько неопределённо дернула головой и вздохнула, представляя Саше додумывать самому. В целом встреча проходила довольно печально, словом, так, как надо. Поговорив немного на общие темы, я поняла, что Саша готов к тому, чтобы начать излагать ему суть моей нужды. Сильно пугать его сразу не стоило, я побоялась, что он потащит меня в милицию или куда-нибудь в этом роде. Поэтому, поговорив о смене Сашей его старой «шестерки» на новую «девятку», я с жалостливым вздохом как бы невзначай разжала расцарапанную ладонь и чуть её качнула. По совести говоря, крови-то было не слишком много, но, размазанная по всей ладони, она выглядела впечатляюще. Саша отреагировал очень верно: схватил меня за руку, и, молниеносно выхватив из кармана белоснежный, аккуратно сложенный платочек, принялся перевязывать мне ладонь. Лань, нервно вздрагивая, молча роняла с пушистых ресниц горькие слезинки, переливавшиеся в свете вечерних фонарей всеми цветами радуги... Но носом не хлюпала и не сморкалась, как обычно поступала в подобной ситуации. Саша же, перевязав кровавые раны, руку отпустил, развернулся ко мне всем корпусом и, укоризненно качая головой, спросил:

– Алевтина Георгиевна, голубушка, это еще что? Вы меня простите ради бога, ничего я понять не могу. Я же вижу, что с вами что-то произошло. Не волнуйтесь, я лишнего спрашивать не стану, я вам помочь хочу... Может, ноги кому выдернуть надо или еще что? (Гром аплодисментов и испуганные, но доверчивые глаза.) Простите... Не хотел вас напугать... Я же понимаю, раз мы с вами встретились здесь, то помощь моя может пригодиться.

«Умный мальчик, – подумала я. – И перевязал. Мужики пошли, одно загляденье, платочки стерильные, как у медсестер. И все меня вытирают. Не к добру...»

Я покосилась на Сашу. Он ожидал ответа и меня разглядывал. Блондинкой-то он меня в жизни не видел. Не могу понять, нравится или нет... Чего это я как-то раньше не замечала, какой Сашенька мужик видный. Орёл-мужчина. А как смотрит... Умереть, не встать. Да-а.. Ой, что это я? Как меня мужик платком вытрет, так у меня крыша едет.

«Гормоны шалют, совсем развинтилась, – опять чувствуя близкие слезы, я всхлипнула. – И пауза чересчур затянулась...»

Не удержалась, быстренько достала свой платок и вытерла нос. В отношении чистоты с Сашиным он и рядом не лежал.

«Не делай паузы, если в этом нет крайней необходимости, но уж если сделала, тяни её, сколько сможешь...»

Тогда я тоже развернулась к Саше, подняла голову и с тоской во взоре уставилась ему в глаза.

Я, конечно, не актриса и, чем занять сейчас мозги, не представляла. Поэтому принялась считать про себя: раз, два, три, четыре... надеясь, что до трехзначных чисел дело не дойдет.

Саша, пялясь на меня уже с отчаянием, наконец, разлепил губы и выдохнул:

– Ну, Алевтина Георгиевна?!

«Готов!» Я была довольна, но радость не демонстрировала.

– Понимаете, Сашенька, не знаю даже, как вам и объяснить, в чем дело... Сама толком не могу понять... Но... За мной следят. Не могу появиться на работе... Звонят бывшему мужу (Саша удивленно приподнял бровь, об изменении моего семейного положения он ведь еще не знал), грубят Антону, его матери... От Антона я ушла... Слишком мы с ним разные люди...

Услышав это, Саша явно оживился. То ли решил, что я к Андрею Дмитриевичу могу вернуться, то ли на свой счет какие мысли появились, не знаю. Решив, что реагирует он не на то, на что надо, я продолжала:

– Я теперь боюсь дома у себя появиться... И обратиться не к кому. Разве что только к вам, Сашенька...

Я замолчала, предоставив Саше возможность ответить. Но Саша задумался и, похоже, слишком крепко. Молчал он минут пять, не меньше, потом спросил, медленно растягивая слова (видно боялся, что иначе до меня не дойдет):

– Ну хоть какие-то предположения у вас есть, кто это?

Я отрицательно покачала головой.

– Может, это ваш второй... э-э... бывший муж?

При слове «второй» Саша пренебрежительно скривился. А я чуть не ляпнула: «Ага, звонит и сам себя обзывает!», но сдержалась. Пришлось уверять Сашу, что «второй бывший» муж на подобные действия просто не способен. Рыдать на чужой груди – пожалуйста, а чтоб вот так... Нет. Робко кашлянув и подняв чистые глаза на Александра (интересно, а как у него отчество?), стараясь не моргать, я спросила:

– Саша... Э-э... А не может быть, что это... Ну... – Глазки я опустила и, стараясь еще и не дышать, пролепетала: – Андрей...

Услышав подобную крамолу, Саша задохнулся от возмущения и, подозреваю, очень хотел бы закатить мне подзатыльник. Но нельзя... Совладав с эмоциями и отдышавшись, он изрек весомо:

– Алевтина Георгиевна, вы ошибаетесь. Как к вам относится Андрей Дмитриевич, вы сами знаете. И я знаю. Поэтому подозревать его в том, что он устроил за вами слежку или пытается помешать личной жизни – несерьезно. А если б такое могло случиться, я бы наверняка знал. Так что на этот счет голову не ломайте. Здесь, я думаю, ваш бизнес скорее затронут. Может, у вас какие сделки дорогостоящие, ну там картины или еще что-нибудь? Может, было что-нибудь необычное?

Рассуждал Саша скорее сам с собой, но на меня поглядывал, видимо ожидая какой-либо подсказки или версии. Но я только удрученно мычала, как телок на выпасе, да поджимала губы. Мне не нужны были Сашины предположения, но попробовать через него, вернее через Андрея, узнать, с кем это мы так неловко зацепились, пожалуй, можно. Сам Андрей вернется только через неделю, и Саша, я уверена, хозяину все доложит. Меня пока не будет, а Андрей всем этим непременно заинтересуется. Фамилия Сомов достаточно известна в Первопрестольной, трепать ее – занятие не для дилетантов-любителей. Поэтому Андрей Дмитриевич из кожи вон вылезет, чтобы узнать, кого же так интересуется Сомова Алевтина Георгиевна. Но это наш, так сказать, резервный полк, и выступит он через неделю. А пока наша задача эту неделю прожить и при своем остаться. А этого «своего» у нас сейчас стало немного больше, чем раньше.

Наше с Сашей совместное гадание о происхождении напасти немного затянулось, и я решила, что самое время ненавязчиво объяснить ему истинную цель встречи. Долгое сидение на жесткой скамье порядком утомило, поэтому я встала и, глядя на Сашу сверху вниз, спросила:

– Сашенька, а у вас пистолет есть?

Саша, как истинный джентльмен, начавший подниматься со скамейки вместе со мной, плюхнулся на нее обратно, вытаращив глаза и хлопнув ртом. Видимо, он хотел что-то сказать, но теперь забыл, что.

«Надо же, как реагирует, – подумала я, с личиком ангела разглядывая молодого человека. – А чего такого особенного я спросила? Вроде ничего».

Саша неопределенно мотнул головой и вздохнул. Мне, в общем-то, было понятно, что слишком уж много разных вещей, не вязавшихся в Сашином представлении с моим обликом, довелось ему сегодня увидеть и услышать. Но что поделаешь? Надо было брать его тепленьким, и я добавила:

– Я имею в виду, с собой?

Это понравилось ему еще меньше, но он молча кивнул головой и отвернулся. Я снова села.

– Вы не подумайте чего, Саша. Я так спросила, просто. Мне домой нужно попасть, а я иди боюсь, понимаете?

Конечно, он понимал, что маленькая бедная лань не может одна войти в дом, где ее могут поджидать злодеи, но чего ей в голову стукнуло об оружии расспрашивать, взять в толк не мог.

«Ну ничего, подумай пока, время еще есть».

Я решила, наконец, вывести на сцену Ленку с Юлькой. После моего отъезда им может понадобиться помощь, а Саша, судя по всему, помочь готов. Мне или не мне, какая разница? У него сердце большое и доброе, на всех хватит, к тому же профессионал. Но так как рассказ о моих бедствиях Саша услышал в очень и очень усеченном виде и не знал ни о камнях, ни о любимых подругах, следовало обставить встречу с ними как случайность. И чтобы они совершенно «случайно» зашли сейчас в этот скверик, от меня требовалось одно – закурить...

Похлопав себя по карманам и выпотрошив сумку, я с досадой вспомнила, что сигарет у меня с собой нет. Саша с интересом наблюдал за моими действиями, видимо удивляясь, какой же бабы неприспособленный к жизни народ. Пришлось, стыдливо затрепетав ресницами, спросить сигарету у Саши. Он, в очередной раз удивившись, ответил:

– Алевтина Георгиевна, я же не курю!

«Ах, ну да! Не пью, не курю, и цветы всегда дарю, и к футболу равнодушен... наверное... чего не знаю, того... Старая корова, диверсантка недоделанная, хоть ветку от куста прикуривай...»

Я завертела во все стороны головой, пытаюсь разглядеть, где же маскируются на моей машине дорогие подружки. Половину горизонта закрывал собой шкафообразный Саша, я снова вскочила на ноги, но лучше от этого не стало. Сумерки надежно замаскировали темно-зеленую «Вольво», мою ласточку. Саша тоже поднялся, но глядел настороженно. Делать нечего, надо выбираться из сквера и купить или стрельнуть сигарету. Пока мои девочки думают, что они лишние, они не покажутся, а по части маскировки Ленка с Юлькой дадут сто очков вперед любому хамелеону. Я, с печалью в сгорбленной спине, побрела к выходу, Саша за мной.

«Может, просто зажигалку зажечь? Как они на это отреагируют? – Я покосилась на телохранителя и от затеи отказалась. – Если сейчас начну горячей зажигалкой махать, трудно представить его реакцию. В дурдом не сдаст, конечно, но волноваться будет».

Время шло, а в таком обычно оживленном месте никто не появлялся. Поток машин нёсся мимо нас на скорости, слепя фарами и норовя окатить грязью.

Наконец на тротуаре показались трое мужиков довольно мерзкого вида, и я, глотая подступающие от отвращения слезы, попросила у них закурить. Сражены были все четверо: и Саша, и мужики, но рта никто не раскрыл. Мужики молчали, косясь на внушительную

Сашину комплекцию, а Саша просто потерял дар речи. Самый мерзкий из них, помятый рыжий мужик, торопливо протянул мне сигарету и, не переставая коситься на Сашу, бросился догонять товарищей. Сигарета была без фильтра, выглядела ужасно, а пахла еще хуже. Прохрипев вдогонку щедрому человеку:

– Спасибо... – я даже немножечко взвыла от отвращения и бессилия, но делать было нечего.

Тротуар был пуст, а бросаться под колёса, чтобы попросить сигарету, было, мягко говоря, неумно. Саша смотрел на меня с жалостью, явно ничего не понимая, поэтому я, сделав вид, что весь день только и мечтала, чтобы выкурить именно эту жуть, затянулась... После первой же затяжки сырой сигаретой неизвестного происхождения моё драгоценное горло решило проявить себя во всей красе, и я разразилась таким кашлем, после какого особо поэтичные натуры, заслышав подобные раскаты, сразу принимаются декламировать:

– Люблю грозу в начале мая!..

Каруселью завертелась единственная мысль: «Только бы они увидели, только бы увидели...»

Тошнота тугим комком обосновалась в горле, и покидать его не собиралась, в голове гудело и звенело. Я закрыла глаза и почувствовала, как ко мне подошел Саша, одной рукой крепко обхватил за плечи, а другой вырвал из моих пальцев сигарету. Хрюкнув, я благодарно уткнулась носом в Сашину грудь и немного обмякла. Я знала, что вполне могу так немного повисеть и он меня не уронит. Все-таки Саша свой человек и просто хороший мужик. Судорожно сглатывая набегающую мерзкую слюну, я печально думала, что если меня сейчас стошнит на Сашин костюм, репутация моя будет загублена навеки.

Не знаю, чем бы все это закончилось, если бы вдруг за спиной я не услышала тихое шуршание. С трудом отстранившись от Саши, я оглянулась и увидела, как к тротуару плавно подкатила моя ласточка, а из окна на нас таращится, улыбаясь до ушей, счастливая Ленка. Водительская дверь открылась, и оттуда материализовалась Юлька. Стараясь не лопнуть со смеху, и трясая головой, словно припадочная, она спросила:

– Извините, мы вам не помешали?

– Ехали мимо, смотрим – Алевтина. А! Это же Саша! Здравствуйте, Саша! Не узнали, богатым будете, – это уже резвилась Ленка. – Вот, Аля, забрали твою машину, как просила. Хорошо, на полдороги встретились, не надо к дому гнать!

Безмерное счастье, написанное на лицах дорогих подруг, объяснялась исключительно радостью от случайной встречи со мной. Саша это понял, поэтому хмурился и смотрел подозрительно. Я растянула губы в улыбке:

– Какая неожиданная встреча!

Квартира, в которую я сейчас намеревалась попасть, досталась мне от моей родной тети Юли, умершей почти три года назад, вскоре после гибели моих родителей. Еще смолоду тетя Юля маялась слабым сердцем, перенесла первый инфаркт в тридцать лет, когда умер ее муж. Учась в старших классах, я сама вменила себе в обязанность заходить к ней после школы, помогать по дому и бегать в магазин. Жила она всего в пятнадцати минутах ходу от нас, что очень облегчало мою задачу. Она была старшей сестрой моей мамы, они всегда очень дружили, и я не припомню случая, чтобы они поссорились. С самого детства, если родители уезжали в экспедицию, я переселялась к тете Юле. Для меня это было вроде праздника: своих детей у нее не было, поэтому меня она обожала и ужасно баловала. Выйдя в сорок лет на инвалидность, тетя Юля не стала сидеть, сложа руки. Ее кипучая и деятельная натура требовала применения, поэтому она со всей страстью предавалась своему любимому занятию – рукоделию. Хотя

как именно назвать то, что она делала, я не знаю. Обычно под рукоделием мы подразумеваем вышивку или вязание, а тетя Юля делала все. Из всего, что попадало ей в руки, она могла сотворить шедевр. В дело шли нитки, пуговицы, гипс, глина, пластилин, проволока, бисер, старые ключи, перья... Одним словом, перечислить все просто невозможно. Она могла сделать панно или вазу, коврик или статуэтку, но, несмотря на то, что пользовалась простейшими инструментами, ни одна ее работа не выглядела поделкой. Сколько ни пытались ей втолковать, что за свои работы она может получать неплохие деньги, тетя Юля только смеялась и раздаривала их друзьям и знакомым на праздники и просто так. Не надо, думаю, объяснять, что своим энтузиазмом она заразила и меня. Множество долгих вечеров провели мы с ней вдвоем, изобретая вместе или по отдельности, стараясь перещеголять друг друга в оригинальности и мастерстве. Мое рвение, правда, иногда ослабевало. Я училась в институте, ходила в спортивную секцию или проводила время в компании друзей, но никогда не забывала заглянуть к тетке.

А когда мы собирались вместе всей семьей, мама смеялась и говорила, что мое воспитание – теткиных рук дело, от чего тетя всегда открещивалась и заявляла:

– Кадасовым, моя милая, воспитание дать невозможно! Уж с чем родились, с тем и живут. Ты можешь ей кол на голове вытесать, но по-своему делать не заставишь!

А мы с папой заговорщицки перемигивались и улыбались, знай, мол, наших! Мама и тетя Юля, глядя на нас, качали головами и тоже улыбались, казалось, что по-другому не бывает и так будет всегда. Мама приносила свои знаменитые пельмени, которые делала лучше всех в мире, мы рассаживались за огромным круглым столом. Отец рассказывал что-нибудь интересное про последнюю экспедицию, а мама смеялась и «выводила его на чистую воду», когда он пытался приврать ради красного словца... Потом я вышла замуж и долго не могла понять, куда же пропало это ощущение легкого, безмятежного счастья.

Телеграмму о смерти родителей принесли домой к тетке. Мне позвонила заикающаяся соседка и сообщила о том, что тетю Юлю увезли в больницу с инфарктом. А о телеграмме я узнала только на другой день... Тетя пришла в себя через неделю после похорон, и я забрала ее домой. Перевезти ее мне помогал Саша, уже работавший у Андрея Дмитриевича. Муж уехал в то время в командировку почти на целый месяц, я поселилась у тетки, она была очень плоха. Худела, бледнела и почти все время молчала. Затем случился еще один инфаркт, и ее не стало.

Загрузившись в машины: я – к подозрительно настроенному Саше, а девчонки – в мою, мы тронулись к дому.

Ехали молча. Метров за пятьсот до дома Саша остановился, посмотрел на меня и спросил:

– Алевтина Георгиевна, вы точно не хотите мне ничего сказать?

– Хочу, – ответила я. – Вытащите, пожалуйста, пистолет... И скажите мне, как ваше отчество?

Саша крикнул, покрутил головой и, тронув машину, ответил:

– Васильевич.

Мы остановились в соседнем дворике. Девчонки вышли из машины, и подошли к нам.

– Ладно, ждите, – буркнул Саша. – Сейчас приду. И... не валяйте здесь дурака!

– Александр Васильевич! – Я серьезно смотрела на Сашу. – Пистолет!

Он нехотя кивнул, взял у меня ключи и исчез в темноте.

Забившись втроем в мою машину, мы некоторое время сидели молча, только вздыхали. Во дворе, как всегда, не горел ни один фонарь, лишь огромная луна висела над нами, а черные деревья отбрасывали причудливые зловещие тени. Было тихо, нормальные люди уже готовились ко сну, а шпана еще только одевалась на прогулку.

Наконец тишину в машине нарушила Юлька. Она завздохала чаще и громче, хрюкнула и сказала:

– Да-а...

– Да-а... – тут же согласилась Ленка. – Нет, ну надо же так нервы накрутить! Сажу и тряусь как малахольная, а из-за чего, сама не пойму.

– И мне, девочки, что-то маотно, – честно призналась я. – Выйти, что ли, покурить?

– Сиди, курилка. Чего это ты раздымилась? То месяц не курит, а тут – одна за одной, одна за одной! Гляди у меня! – Елена Борисовна сурово сдвинула соболиные брови.

– Да когда я курила-то? – возмутилась я таким тиранством. – И не помню, когда последний раз сигарету в руки брала!

– Да? А кто Александру Васильевичу костюм облизывал? – Я поняла, что сделала промашку, и меня заманили в ловушку.

Безусловно, этим любопытным воронам захотелось узнать подробности увиденной ими пикантной сцены, вот меня и подловили. Ну, Ленка!

– Это все ради дела, – отрезала я. – Ради общего дела страдала и ваших мелких намеков не понимаю!

– Да-да-да! – писклявым голосом пропела Юлька. – Видели мы это дело. А Александр Васильевич, ну что за душка, не мужчина, а мечта. А комплектация...

Как ее на работе держат, никак не пойму...

– Комплекция! – не выдержав, я покатила со смеху, девчонки за мной.

Хохотали мы до слез, забыв, что десять минут назад тряслись со страху.

– Комплекция комплекцией, но и комплектацию не мешало бы проверить, мало ли что. Только Альке нельзя поручать, она сразу замуж выйдет. Так что ты, Ленка, или я, больше никому! Все, Ленка, на наших плечах, как всегда. Ну проверим?

– Проверим, раз плюнуть! Гляди, мы девки какие видные, враз в оборот возьмем!

– Сейчас вернется...

Обычный, в общем, разговор в ситуации, когда из машины вышел мужик, а в ней остались три запуганные молодые женщины.

– Ладно, видные девки, давайте о нашем, о девичьем, – предложила я, когда веселье стихло.

Решено было следующее: Юлия Геннадьевна, как убывшая в законный отпуск, уезжает завтра к матери в славный город Клин. Клавдия Олеговна, Юлькина мама, год назад вышла замуж и переехала к мужу. Так что проживала теперь в пригороде Клина, по словам Юльки, в очень и очень симпатичном особнячке. Так что все абсолютно естественно. Она и так туда собиралась, только не завтра, а через три дня.

– Ой, возьми, Юлька, свои деньги, я ж забыла тебе отдать, – опомнилась я. – А то с чем поедешь?

– Небось, прикарманить хотела, знаем мы вас. – Если бы Юлька сказала что-нибудь другое, я бы очень удивилась. – Только бы чужие денежки замылить, что за народ?!

– Шмотки какие-нибудь сейчас у меня поглядим, на пару недель хватит, – благородно предложила я и тут же услышала:

– Ой, мне же все будет велико!

– Молчи, шпингалетка! Ушьешь! – подвела я черту под дискуссией.

С Ленкой дело обстояло иначе. Уехать она не могла, да если бы и уехала, выглядело бы все это подозрительно. Потому что на данный момент она успела лично пообщаться с милейшими молодыми людьми, питающими живой интерес к местонахождению Сомовой Алевтины Георгиевны, и являлась, так сказать, нашим окном в мир. Правда, три месяца минуло, как я стала уже Аликушиной А. Г., но забывчивая Ленка об этом не упомянула.

Когда днем, взяв мой загранпаспорт, она вернулась в свой офис, секретарь сообщила, что ее ожидают два молодых человека. С первого взгляда оценив обстановку, Елена Борисовна заулыбалась и пошла бюстом на таран. Пригласив гостей в кабинет, она предложила им сесть в кресла, сама уселась напротив, представила миру на обозрение шикарные колени и, склонив голову набок, спросила:

– Чем я могу вам помочь?

Видимо, молодые люди не ожидали увидеть в офисе французской фирмы роскошные формы красивой русской женщины, поэтому несколько смешались и растерялись. По описанию Елены Борисовны, они мало чем отличались друг от друга, но у одного томление в членах наблюдалось более явственно. Она решила продолжать работу с ним, как с более перспективным источником информации, и тут же нарекла его Пупсиком. Про себя, конечно.

Минут через пять она уяснила, что интересуются они в ее кабинете совершенно другой женщиной, и обиделась. А когда она обижается, это сразу видно. Грудь взволнованно трепещет, нижняя губа закушена (впрочем, очень элегантно), а глаза...

– Вообще-то, Алевтина Георгиевна работает не здесь, – мягко сказала Ленка.

– Мы знаем, – в два голоса перебили ее гости, досадливо переглянувшись, и чувственный Пупсик уступил право ведения переговоров. – Мы на работе у нее были, там ее нет. Но она нам нужна по очень важному делу, не могли бы вы нам помочь? Нам сказали, что вы ее близкая подруга...

– Ну что вы, – мило улыбнулась подружка, судорожно соображая, какая сволочь могла это ляпнуть. – Алевтина Георгиевна сейчас птица высокого полета, к ней просто не подступишься. Вот раньше... Она теперь с большим удовольствием общается с бизнесменами да художниками, а не с нами, смертными...

Ленка удрученно покачала головой, представляя зарвавшуюся змею-подругу, и вздохнула.

– Можете закурить, – предложила она и сама затянулась.

Случай неслыханный в ее кабинете. Просто из ряда вон. Но нервы не морковь, на рынке не купишь. Ребята не семи пядей, но и явно не дураки. Особенно вот этот. Умник.

– А зачем она вам так понадобилась? – прищурившись, Ленка со значением смотрела на Пупсика, изображая безграничное женское любопытство. – По личным вопросам?

– Да нет. – Парень расплылся в широкой улыбке. Суть проблемы его явно не интересовала. – Просто...

– Она нужна нам по вопросам бизнеса, – торопливо перебил его второй, зло мазнув по напарнику взглядом.

– А-а... Я, в общем-то, случайно узнала, что у Алевтины сейчас семейные проблемы. Очень большие. Говорят, она в большом трансе.

По загоревшимся глазам Умника она поняла, что сейчас последует вопрос: «Кто говорит?» Поэтому сама продолжила:

– Я разговаривала с одной знакомой... С Юлией Королевой. Алевтина вчера к ней заезжала, может быть, хотела поделиться, может, переночевать, не знаю. Сказала Юлии, что разошлась с мужем, переживает ужасно! Но Юлия сама собиралась уезжать – она сейчас в отпуске... А Алевтина укатила на какой-то курорт, залечивать душевную травму...

Поведав все это доверительно гостям, Ленка снова уставилась на Пупсика, трепеща ресницами. Услышав неожиданную концовку, ее посетители чуть не подпрыгнули и снова в один голос заорали:

– На какой еще курорт?!

Больше они уже не переглядывались, а требовательно смотрели на Елену Борисовну. И лишь Пупсик слегка косил на ее колени. Ленка ласково улыбнулась и сама задала вопрос:

– Ну откуда же я знаю?

Закинув ногу на ногу, она приподняла прекрасные брови, развела руками, как бы говоря: «Я ведь к вам со всей душой, а вы шумите!»

Наступила пауза. Умник размышлял, что же еще спросить, а Ленка, не мешкая, приступила к оболыщению Пупсика. Она опустила глаза долу и искоса, словно против своей воли, поглядывала на парня. Наконец Умник перестал скрипеть мозгами и спросил:

– А ночевала она, значит, у Королевой?

– Я не спрашивала, а Юлия не сказала.

– А куда уехала Королева?

– Я не спрашивала. Она не замужем...

– А надолго?

– Не знаю.

– А когда уехала?

– Кажется, сегодня утром, но точно сказать не могу.

– А еще у Алевтины Георгиевны близкие подруги есть?

– Я не знаю. Я же говорила вам, что сейчас круг общения у неё очень и очень... высокий... Не знаю, бывают ли там близкие подруги...

Не узнав ничего толком, Умник опечалился. В глазах его явственно читалось огорчение. Он вдруг поднял глаза на Ленку, внимательно следившую за игрой его чувств, и стал пристально разглядывать ее, словно что-то прикидывая. А у нее оборвалось сердце и сперло дыхание.

– Честно сказать, мне вдруг показалось, что он раздумывает, как бы ловчее меня разделить, изверг! Так посмотрел, так посмотрел! Я перед ним как дура, и так и этак, а он? – рассказывая, Ленка всхлипывала, но зареветь не смогла.

– Дорогая! Ты перед ним и так и этак врала! Чего ж обижаться? – заметила я.

– Врала, конечно. Что ему, сукину сыну, правду, что ли, говорить? – Она еще повздыхала. – Но зато второго я, девочки, достала. Не хвалясь, скажу: парень был готов, что твой пончик, разве только не шипел!

– Так как же вы расстались? – полюбопытствовала Юлька.

– Как расстались? Душевно расстались...

Пораскинув, видно, как следует мозгами, Умник решил, что допросить с пристрастием Елену Борисовну в офисе не получится, а выволочь ее каким-либо образом на улицу тоже вряд ли удастся. Поэтому он стал очень вежливо прощаться и спросил разрешения побеспокоить, если будет нужда. Расплывшаяся до ушей Елена Борисовна клятвенно заверила его в своей любви и дружбе и настоятельно просила обращаться в любое время, про себя злобно думая: «Что б ты сдох, зараза!»

– До свидания... – Она несмело протянула пухленькую ручку Пупсику. – Рада буду помочь, если в моих силах... Приятно было познакомиться!

Чуть заметная дрожь в голосе и нерешительный взгляд. Гляди-ка, Пупс рад бы задержаться... Ох, ну как бы его оставить на пару минут? Этот поганый Умник так и тербит его, шипит на ухо: пошли, пошли! Господи, как он его назвал? Кабан? Ну надо же! Пупсик куда как романтичнее. Хотя, может, он и прав... Если бы только узнать, кто их послал... Ленка чуть дольше необходимого задержала руку Пупсика в своей. Ответный жест не заставил себя ждать.

«Спёкся, козел!» – злорадно подумала она.

Момент наступил критический. Не раздумывая о последствиях, Ленка в то самое мгновение, когда Умник повернулся к ней спиной, вложила в руку Пупсика свою визитку, волшебным образом очутившуюся в ее пальцах. Парень слабо дернулся, но под страстным взглядом леди затих. К своему огромному облегчению, она увидела, как за спиной Умника он несколько суетливо, но быстро убрал визитку в карман. Надеясь, что у него неостанет ума вытащить ее в присутствии напарника, Ленка мысленно перекрестилась.

«Только бы сошло! – глядя на спины уходящих визитёров, она подняла глаза к небу. – Господи, только бы Витька не узнал!»

Резон скрывать от своего возлюбленного факт, так сказать, поползновения на сторону, безусловно, был. Дело в том, что Виктор, весёлый, обаятельный и ревнивый мужик, был инструктором по самбо, причём не инструктором-теоретиком, а инструктором-практиком. Смысл его жизни, на мой взгляд, заключался, в первую очередь, именно в самбо, во вторую – в Ленке. Не говорить этого Ленке у меня ума хватало, а у неё на этот предмет было собственное мнение. Я же исходила из того, что убежать на пару часов или пару дней, поругавшись или взревновав, от Ленки он мог, а вот пропустить тренировку или соревнование – никогда. Происходило это, правда, нечасто. Я имею в виду ссоры или ревность. Но, если происходило, вот это бывал фейерверк, доложу я вам! Елена Борисовна дама в теле, но и Виктор Михайлович тоже хорош. В росте большой разницы у них нет, но вздымающаяся во время баталии накачанная грудная клетка Витьки становилась сродни сногшибательному бюсту подруги, приобретая запредельные объёмы. Не подумайте только, что речь идёт о потасовках или ещё каком членовредительстве. Тут бы Ленка супротив любимого не потянула. Но громовые раскаты голосов и порушенная вокруг мебель производят на случайного зрителя ошеломляющее впечатление, уверяю вас! Через какое-то время следует бурное примирение, всеобъемлющая любовь и голубиное счастье, счастливых влюбленных можно не видеть пару суток, Ленка берёт отгул... и вечером Витька бежит на очередную тренировку...

– Так что остаюсь одна в тылу врага, – патристично сказала Ленка. – Так и знала, что все на мои хрупкие плечики ляжет! Может, меня даже наградят... посмертно... А вас пусть замучает беспощадная совесть...

– Резвится она, поглядите! – заворчала Юлька. – Ты шибко-то не резвись, получишь по жопе, будешь знать.

– Юлька права, – встряла я. – Не высовывайся здесь. Не знаю, не слышала, не видела. Если сейчас не дашь честного слова, что не станешь в разведчиков играть, никуда не поеду, останусь.

Я выглядела решительно и сурово взирала на подругу. С другой стороны на нее живым укором тарасилась Юлия Геннадьевна. Ленка заелозила по сиденью, поджала губы и замычала.

– Ты не мычи, а скажи: «Честное слово!» – Я ткнула её в бок пальцем.

Она закатила глазки и сказала:

– Ну я что, дура? Все я знаю!

– Нет, скажи!

– Ну, даю, даю! Даю вам честное слово, что, когда вас не будет, не буду высовываться, не буду приставать, не буду... ни есть, ни пить, буду сидеть как...

– Как дура! – радостно закончила Юлька и захихикала.

– Нет, дорогая, кушай на здоровье, хотя пей, конечно, поменьше. Ты как лишку хватанешь, с тобой не совладаешь!

– «Варвара, ты волчица!» – с сожалением глядя на нас, развеселившихся, выразительно процитировала Ленка.

– Но так оно и есть!

– «Волчица старая и мерзкая притом!» – Ленка театрально вздохнула, закрыла глаза и откинулась на спинку сиденья, давая понять, что разговора с ней мы недостойны.

Но просидеть в тишине больше двух минут нам не удалось. Потому что Ленка завозилась, открыла глаза и сказала то, что было готово сорваться с моего языка:

– Что-то Саша больно долго нет...

Мы снова притихли.

– Так не бывает, – сказала Юлька. – Не спать же он там лег!

Я облизнула пересохшие губы:

– Ага!

– Ага! – передразнила меня Ленка. – Чего делать-то будем, а? Где очередные гениальные идеи?

– Я на заказ не могу, – скромно ответила Юлька. – Но, на мой взгляд, надо... туда идти... А, Алька?

– Ага, – ответила я и полезла из машины.

Главное сейчас – идти и не останавливаться. Зайти в подъезд, подняться на свой этаж... Только не трусить и идти... Но делать это мне абсолютно не хотелось. Ноги дрожали, горло привычно пересохло, грудь теснило скверное предчувствие.

«Ты всех втравила, ты и тащись, – подумала я и хныкнула: – Как я боюсь туда идти!»

Направившись к подъезду, я услышала, как за спиной захлопали дверцы машины. Мои девчонки шли за мной. Я вдруг испытала к ним чувство огромной нежности и... жалости.

– Девчонки, ждите меня здесь, если что, я вас позову, – зашептала я, повернувшись.

Говорить на улице в полный голос почему-то было страшно. Юлька ничего не ответила, продолжая идти, а Ленка сердито буркнула, правда тоже шепотом:

– Еще чего! Давай двигай, не стой!

Саши нигде не было видно. Поднявшись по лестнице, мы на секунду замерли, потом я решительно направилась к своей двери. Она была неплотно прикрыта.

«Значит, Саша внутри», – мелькнуло в голове, и я потянулась к ручке.

Внезапно дверь распахнулась. Мы дружно сдавленно взвизгнули и подались назад. На пороге стоял Саша, в одной руке он держал пистолет, другой держался за окровавленную голову.

Первой очнулась Юлька. Отодвинув меня рукой, она шагнула к Саше и спросила:

– Эй! Ты в порядке?

Вопрос, конечно, глуповатый в данной ситуации, но необходимый. Саша, наконец, сфокусировал взгляд на нас, и в нем появилось осмысленное выражение. Встрепенувшись, он быстро схватил меня и Юльку за руки и втащил в квартиру. Ленка ввалилась самостоятельно, без всякой помощи и очень быстро.

Сбившись в кучу, словно овцы, мы молча таращились на Сашу. Он еще раз выглянул в коридор, аккуратно закрыл дверь и повернулся к нам. Вернее, ко мне.

– Ну? – с не очень уважительной интонацией пророкотал он.

Я не стала обижаться. Все-таки ему, судя по его виду, порядком съездили по башке, должно быть, больно. Все правое ухо кровью залито.

– Тебя надо перевязать, – сказала я, вдруг начисто забыв, что перед этим лет пять, не меньше, мы общались исключительно на «вы». – Я сейчас...

Саша поморщился и остановил меня:

– Подождите. Это потом. Во что вы вляпались? Алевтина Георгиевна, либо вы мне сейчас... Это совсем не шутки... Здесь человека убили...

– А-а? – дружно переспросили мы и стали присаживаться кто куда.

Я с Юлькой на пол, а Ленка на пуфик. Ленка сердито глянула на меня, повернулась к Саше и грубо спросила:

– Чего несешь? Охренел, нет?

– Нет, – почти спокойно ответил Саша. – И не думал.

– Саша, объясни, да не тяни, тебя надо перевязать...

Поднявшись на этаж, Саша огляделся, раз уж я так об этом волновалась, осмотрел замок, прислушался. Стояла полная тишина. В такой тишине капля, падающая из крана, звучит наба-

том, голоса этажом ниже раздаются, кажется, из другого угла комнаты. Саша вытащил ключи (а не пистолет, как его не один раз просили) и стал открывать дверь. С непривычки он чуть замешкался, но все обошлось благополучно. Шагнул в темноту, протянул руку и включил свет... У противоположной стены большого квадратного холла стоял невысокий жилистый паренёк в черной трикотажной шапке, с прорезями для глаз и носа. Под маской не было видно улыбки, но парень вдруг захихикал. Хотя увидеть здорового мужика он явно не ожидал, тихо присвистнул и вскинул правую руку. Тускло блеснула вороненая сталь... Но неожиданно за Сашиной спиной раздался чуть слышный хлопок, незванный гость вскинулся, словно с размаха врезавшись в невидимую кирпичную стену. В середине лба на чёрной ткани, глухо чмокнув, брызнул вдруг тугой фонтанчик. Парня отбросило назад. Разворачиваясь, Саша успел выбросить вперед кулак, мазнувший по чьей-то куртке, и провалился в темноту...

– А... где же... ну эти? – Юлька громко клацала зубами.

Я поднялась с пола, прошла на кухню, затем в одну комнату, в другую. Никого не наблюдалось, ни живых, ни мертвых. Если не считать того, что в квартире почти все было перевернуто вверх дном, в остальном был полный порядок.

– На кухню! – скомандовала я. Передавать сейчас инициативу Саше ни в коем случае нельзя. Не приведи, господи, вспомнит сейчас про милицию. – Быстро!

Все послушно пошли за мной, расселись на табуретки, а я спросила:

– Послушай, Саша, ты в крови... но вообще-то, в квартире никого нет.

Саша стал медленно багроветь, глядя на меня исподлобья, чуть ли не с ненавистью.

– Что же я, по-вашему, вру? А головой об ступеньку?..

Он поднялся с места и потащил меня за руку обратно в коридор. Его запас вежливых слов явно заканчивался, поэтому я торопливо заверила его:

– Нет, нет! Я не о том, Саша!

Краем глаза я увидела, что Ленка со вздохом тянется к старинному подсвечнику, стоящему на подоконнике. Должно быть, подумала, что Саша немного двинулся и теперь опасен.

«Господи! – взмолилась я. – Только бы не оглоушила его сзади этим канделябром! Ведь убьет...»

Мне и самой Сашино поведение казалось не слишком логичным, но, может, для этого и правда причина есть? Добравшись до холла, Саша подвел меня к дальней стене и чуть не носом ткнул:

– Ну а это что?

На пестром рисунке обоев с первого взгляда трудно было заметить круглую аккуратную дырку, но растрепавшиеся края и пыль от штукатурки выдали ее, поэтому я ойкнула, левой рукой зажав рот, а указательный палец правой сунув в отверстие. Дырка была самая что ни на есть настоящая и, насколько я могла судить, новая. Раньше я никогда ее не видела. Приглядевшись еще, я обнаружила, что вокруг дырки растерто пятно, будто кто-то пытался стереть... кровь... Опустив глаза вниз, я разглядела темные брызги, окропившие стену, а также пятна на полу, прямо подо мной. Отступив назад и отодвинув девчонок, разглядывающих стену и сопящих мне в ухо, я увидела, что стою на плохо стертом кровавом пятне.

Я молча сняла туфли, пошла в ванну и вымыла их, взяла губку и мыло, вытерла стену и пол в коридоре. Наблюдающим за моими действиями девчонкам я принесла по тряпке. Не сказав ни слова, они начали методично и тщательно протирать все гладкие предметы и расставлять вещи по местам. Я усмехнулась. Кто бы мне об этом два дня назад сказал!

Тем временем я быстро обрабатывала Сашину рану. К счастью, ничего страшного не было, хотя, возможно, небольшое сотрясение он заработал. Заняв, наконец, свои руки делом, я принялась думать. Но толкового объяснения, хоть убейте меня (тьфу-тьфу-тьфу!), найти не могла, один конец никак не вязался с другим, и выходила полная белиберда.

Кто мог так вовремя появиться за Сашиной спиной? Бэтмен? Кто был настолько заинтересован в Сашином спасении, что, не раздумывая, пошел на убийство? Кто вытирал кровь? А на кой забирать с собой труп? Ну или раненого, что тоже не исключено? Тащить его, рискуя, что кто-нибудь попадется навстречу? Друг? Родственник? Мой? Юлькин? Ленкин? Навстречу... В голове вдруг мелькнула неясная догадка, я даже замерла от волнения. Так, так, так... Почему...

– Алевтина Георгиевна! – Я вздрогнула и едва не подпрыгнула. Из-под моей руки выглядывал Саша, пытаясь заглянуть мне в глаза. – А почему в квартире все перевернуто? Что искали-то?

– Не знаю, – сердито ответила я, смывая мокрой ваткой кровь с его шеи, – грабили, наверно.

Саша глядел на меня с подозрением и был прав.

Быстренько покончив с медицинскими проблемами, я взялась за сборы, ничуть не забываясь об отпечатках. Да и странно бы было, если хозяйка не оставила своих следов. Меня не покидало ощущение, что кто-то все время пытается наступить мне на пятки, поэтому работоспособность у меня появилась невероятная. Минут за пятнадцать я собрала два чемодана и сумку, надеясь, что ничего не забыла. Свою любимую книгу Моэма, косметику и купальник я точно взяла, а без остального можно обойтись.

– Вы закончили? – спросила я, разгибаясь.

– Угу, – кивнула Юлька.

– Тогда держи, это тебе. – Я протянула ей один чемодан. – Все, уходим.

Оглянувшись у дверей, я еще раз порадовалась, что квартира имела практически свой обычный вид, а из теткиных работ почти ничего не пострадало. Лишь у небольшого панно из рыбьей чешуи и соломки, изображающего деревенский пейзаж, была сломана рама и разбито стекло.

Я захлопнула за собой дверь.

Саша вел себя крайне осторожно. Видно встреча с веселым пареньком крепко отложилась в его мозгу, убедив, наконец, что мой рассказ плод не только моей фантазии. Поэтому, прижав нас к стенке и зашипев, чтобы мы закрыли рты, он долго и внимательно прислушивался, затем стал спускаться по лестнице. Повернувшись, прошептал:

– Пойдете, когда я позову...

Напряженно вслушиваясь в тишину, я, каждую секунду ожидая грохота, стрельбы и прочих ужасов, непроизвольно вернулась к ускользнувшей важной мысли.

«Если кто-нибудь войдет в подъезд, то он попадется Саше... навстречу... А если... если... – Я даже перестала дышать, боясь спугнуть свою догадку. – Значит, он пошел наверх...»

Сердце мое так колошматилось о ребра, что, казалось, его удары были слышны на улице. Я почувствовала, как между лопаток пробежала струйка холодного пота.

– Лена! – шепотом позвала я и отлепилась от стены. Шагнула к лестнице.

Подруги оглянулись и, поняв, что я собралась идти наверх, зашипели, словно гусыни, пытаясь схватить меня за руки. Выдернув руку, я пригрозила им кулаком и даже топнула ногой. Так, чисто символически.

– Спускайтесь, я приду через пару минут... – стараясь говорить как можно тише, я выразительно таращила глаза, пытаясь придать лицу максимальную убедительность.

– Куда ты? Ты что? – Они явно перепугались, но с места не тронулись.

– Тихо! – Я приложила палец к губам. – Не бойтесь, я скоро...

Квартира располагалась на шестом этаже восьмизэтажки. Значит, и пройти-то всего два этажа. Стараясь не касаться ступенек и не дышать, осторожно пошла наверх. Дойдя до чердака, остановилась. Лестничный пролет перед чердачной дверью был перекрыт решеткой. Дом у нас достаточно спокойный, преимущественно здесь живут тихие и солидные люди, много пожилых, молодежи мало. Поэтому чердак никого, кроме слесарей, не интересовал, как и во

всем подъезде, здесь царил порядок и чистота. Решётка обычно (насколько я помню) заперта на висячий замок, а если возникала необходимость попасть на чердак, все знали, что запасные ключи имеются у пенсионера Петра Фомича, живущего на втором этаже. Но сейчас замок отсутствовал. Свет был очень тусклый, я подошла поближе, наклонилась и увидела на дверной петле широкую свежую царапину. Тронула ее пальцем и почувствовала металлическую крошку. Сердце опять рванулось, а я стояла, прикусив согнутый палец, и никто в мире, включая меня, не знал, побегу ли я сейчас вниз или пойду вперед.

Так и не определив, что же мне делать, я развела металлические створки и пошла наверх. Толкнула дверь. Она не была заперта и поддалась. За ней было абсолютно темно, а до конца дверь почему-то не открывалась. Я толкнула сильнее, сдвинув ее еще немного. Глаза чуть привыкли к темноте, и я различила большой темный мешок на полу, мешающий двери открыться свободно. Сделав один шаг внутрь, я присела на корточки и пригляделась. После чего беззвучно заорала во все горло (если так можно выразиться, вероятно, лучше сказать – хотела заорать), плюхнулась на задницу и, откинувшись, сильно ударилась головой о косяк двери. Приглядевшись, я различила черные ботинки на толстой подошве, черную куртку и черную шапку на голове. Прижав колени к груди, спиной ко мне лежал человек, судя по всему, мертвый. Завывая тихонечко: «Ы-ы-ы...», я на четвереньках, царапая руки, скатилась с лестницы, ударилась плечом о решетку, вывалилась на лестничную клетку и рванула вниз.

Вчера мне казалось, что я прожила худший день в моей жизни. Сейчас стало ясно, что ошибалась. Сидя на заднем сиденье Сашиного автомобиля, я, глядя в лицо что-то взволнованно говорящей Ленке, вдруг осознала, что не понимаю ни слова. Это было так странно, что я начала тереть виски руками и... улыбаться, а возможно, и хихикать, потому что Ленкино лицо вдруг вытянулось, брови поползли вверх, а челюсть – вниз. Подняв глаза, я увидела, что в зеркало заднего вида на меня смотрит Саша, смотрит очень странно, и я испугалась, потому что вдруг поняла, что мы едем. А если Саша будет смотреть не на дорогу, а на меня, нас наверняка ждут неприятности... Надо смотреть на дорогу...

– Надо смотреть на дорогу! – громко сказала я, покачав головой. – На дорогу!

Ленка вздрогнула и громко всхлинула. Потом двумя руками обхватила мою голову и прижала к своей груди. Она заплакала тоненько и жалобно, мне стало жалко ее и себя. И я тоже заплакала, сначала тихо, а потом все громче и громче. Вскоре мы с Ленкой на пару завывали и причитали, и, если вы спросите, на это стоило поглядеть. Не знаю, сколько мы за это время проехали. Нарывавшись и отведя душу, я освободилась из Ленкиных объятий и глянула в окно.

– Куда это мы?

– Куда! Туда! У Саши вон спроси, куда.

– Проверяемся, – не дожидаясь вопроса, ответил Саша. – Такие дела, не знаю, что и думать. Так что не раздумываю, а проверяюсь. Не знаю, кого, зачем, для чего, тоже не пойму, но... Может, вы все же скажете? Если, конечно, хорошо себя чувствуете...

Он опять принялся разглядывать меня в зеркало.

«Опять на дорогу не смотрит, – подумала я. – А чтой-то все о моем здоровье пекутся?»

Я покосилась на Ленку и уверенно сказала:

– Я себя прекрасно чувствую!

– Полчаса назад я бы этого не сказала! – подала она голос. – Полчаса назад я решила, что ты сбрендила, а я лишилась подруги. Ну в жизни я не видала, чтоб в здравом уме из подъезда на четвереньках выбегали! И в гроб краше кладут, чем ты была!..

Выяснилось, что, когда я выскочила из подъезда, все уже ждали меня у машин. Саша сильно нервничал, порывался идти за мной и ругал девчонок за то, что они меня отпустили. Тут

наконец появилась я, принялась трясти всех по очереди за грудки, взхлеб твердя: «чердак» и «мертвый». Доведенный до отчаяния, Саша не стал испытывать судьбу и, затолкав всех по машинам, рывкнул Юльке:

– Не отставать!

После чего вылетел с нашего двора, а следом за ним – Юлька на моей ласточке. И теперь мы выписывали по городу пируэты, петляли по переулкам, благо машин было мало и некому было принять нас за идиотов, кроме гаишников. Оглянувшись назад, я увидела Юльку в моей машине, бледную и несчастную. Из-за того, что в машине она находилась одна, бедняга не могла порыдать на чужом плече, не могла закатить глаза, не могла даже пожаловаться вслух, потому что все равно никто бы не услышал. Все это подругу явно огорчало и раздражало. Я вздохнула и сосредоточилась.

– Саша! – позвала я через некоторое время. – Выбери уголок поспокойней!

Ленка выжидающе смотрела на меня. Мне было ясно, что все здорово сбиты с толку и напуганы, и принятие дальнейших решений ожидается от меня.

– Витька где? – Я понизила голос. – Хоть что-нибудь он знает?

Она отрицательно мотнула головой.

– А если будут спрашивать, он скажет?

– Он скажет только то, что я попрошу.

– Отлично. Вот что, дорогая. Вызывай его сейчас. Едешь домой и баиньки. И, пожалуйста, постарайся эти дни быть с ним рядом. Что сказать, мне тебя учить не надо. И с Пупсиком никакого баловства! Если он вдруг объявится... Ленка, миленькая, не шути с этим, видишь, что выходит. Но самое главное, не забудь про выставку, очень прошу. Я Саше объясню, он все привезет, а ты в галерею сама не суйся. Позвонишь Верочке, она в курсе, ребята сами все сделают. Лады?

– Лады, Алька. Только уж и ты, голубчик, стерегись. – Ленка вытащила из сумки телефон. – В аэропорт завтра не опоздай. С месье Дюпре места в самолете у вас рядом, так что не ошибешься... – Она подняла вверх указательный палец. – Витя? Это я... Не волнуйся, все в порядке. Подъезжай, Витенька, забирай меня... Да, я с девчонками. Ты что, ничего мы опять не затеяли, просто пообщались... Трезва как лист... Обижаешь. Значит, если бы мы были в стельку, то было бы не странно?... – Ленка отлепилась от трубки и посмотрела на меня. – Куда подъезжать-то? – Я быстро назвала адрес. – Ну, давай, жду!

Она убрала телефон. В это время Саша остановился в узеньком переулке, подруга приткнулась следом. Мы выбрались из машин, Юлька спросила:

– Ну?

– Сейчас Витек забирает Ленку, мы едем на квартиру родителей, я остаюсь там, а тебя Саша везет к маме. Как раз к утречку и поспеете. Он поспит у тебя и вернется. Машину мою в гараж к Андрею поставит, переживет благоверный, все же любит как-никак. А ты будешь отдыхать, загорать и прочее. И ничего не знаешь, а остальное забыла. Шутка. Что говорить, если что, знаешь. Я залечиваю душевную травму и постараюсь позвонить. Вы тоже постарайтесь держать связь...

– Да это все ясно... – перебила Ленка, – Не волнуйся, все будет в порядке.

– И всем нам, девчонки, ни пуха ни пера!

Подходя к родительской двери, я почувствовала, что сейчас снова зареву. Количество слез на душу населения сегодня уже перекрывало всяческие нормы, но я знала, что сдержаться все равно не смогу.

Была уже глубокая ночь, глаза у всех троих слипались. Саша старался зевать украдкой, культурно прикрывая ладонью рот, Юлька же зевала так откровенно и часто, что я стала опасаться, как бы она не вывихнула челюсть. Я прошла на кухню и поставила на стол пакет. В квартире не было никаких продуктов, поэтому, сдав Ленку на руки Витьке, мы заехали в ночной магазин и купили чаю, кофе и печенье. Было решено быстренько перекусить, после чего Юлька с Сашей должны отправиться в Клин. Но, глядя на измотанных ребят, я решила планы немного изменить. Никто, в конце концов, от этого не умрет.

– Вот что, – вздохнув, возвестила я. – Делаем так! Ночуете здесь, а утром пораньше отправитесь. Большой разницы нет, зато я не буду переживать, что с вами что-то случилось.

Для вида они немного поспорили, но было ясно, что такой расклад обоим устраивает. Пока мы препирались, вскипела вода, Юлька заварила чай. Чаепитие прошло почти в полной тишине, каждый старался побыстрее дожевать печенье и лечь. Я отправилась стелить постели.

– Саша, где вам постелить? – Спокойная обстановка способствовала восстановлению прежних отношений.

– В коридоре!

– Где? – Мне показалось, что я ослышалась. Заглянула на кухню, где еще сидели мои гости. – Вы сказали: «в коридоре»?

– В коридоре, у двери, – повторил Саша. – Я должен все слышать.

– А-а! – уважительно протянула я. – Образно говоря, через ваш труп?

– Ага! – весело подтвердил он, а Юлька подавилась чаем.

Постелив Юльке в спальне, себе в папином кабинете, а Саше в коридоре на раскладушке, я пошла в ванную. Из нее вышла Юлька, по-моему, на автопилоте проскользнула в спальню, и я услышала характерный скрип кроватных пружин. И больше ни единого звука. Очевидно, Юлька уснула еще на ходу.

А из коридора вдруг раздался жалобный стон. Это зарыдала наша старенькая раскладушка, когда на нее взгромоздился Саша. Я подумала, что у старушки немного шансов дожить до утра.

Глянув на себя в зеркало, я ужаснулась. Лицо измученное, под глазами синяки. Ну что ж, подруга, держись, теперь не соскочить. Этот поезд явно дальнего следования. А ты, похоже, в нем без билета. Я подмигнула своему отражению. Прорвёмся... Взгляд мой упал на старенькую, когда-то яркую накладную картинку, висевшую на стене. На ней виднелись горы, лес, солнце... Она выцвела и потемнела от времени. Краешек солнышка совсем облупился, и мне вдруг стало нестерпимо горько. Я вспомнила, как давным-давно ее принесла мама, и мы втроём спорили, куда её повесить. Папа предлагал на дверь, а мама – около зеркала... Нет, кажется, я хотела повесить ее на дверь. Мы чуть не переругались, а потом смеялись над чем-то, над чем, не помню. Наверное, как всегда папа сказал что-нибудь смешное. Мой папа всегда говорил что-нибудь смешное, он был очень веселый... Мама рассказывала, что он очень похож на своего отца, моего деда.

Деда я не знала, он умер, когда я ещё не родилась. Он был профессором геологии, известным учёным. По утрам за дедом к подъезду подъезжал автомобиль, поздно вечером он возвращался домой. Он был невероятно увлечен своей работой, а протирание штанов в кабинете считал решительно невозможным. Он постоянно мотался по командировкам, забывая иной раз о семье. Но, будучи человеком веселым и общительным, любил хорошие компании. Поэтому, когда он работал в Москве, по выходным и праздникам в квартире всегда были гости. И однажды после одного из таких застолий к дому ночью подкатил чёрный «воронок»... Шесть долгих лет бабушка не могла узнать о нём ничего. Что пережила она в это время, оставшись одна с трехлетним сыном, одному богу ведомо. Она никогда об этом не рассказывала. Только через шесть лет удалось узнать, что он сослан, а в заключении занимается тем же, чем и на свободе – разработкой полезных для любимой Родины ископаемых. Единственное, что все

время повторяла моя бабушка: «Зачем понадобилось его арестовывать, чтобы послать туда? Ведь если бы ему сказали, что это необходимо, он поехал бы туда добровольно?»

Но понять этого нельзя было ни им тогда, ни нам сейчас. Отсидев, вернее, отработав пятнадцать лет, мой дед вернулся домой. Через год его реабилитировали, наградили и даже дали квартиру. Но дед ничему уже не радовался, он почти ничего не видел. Прозрачный сторбленный человек больше не смеялся, не собирал застолий и не пел песен. Свой долг перед Родиной он выплатил сполна.

Отец, как и дед, был геологом. Мама в юности танцевала в балете, ей прочили большое будущее, цветы и поклонников. Но, познакомившись с отцом, она, не раздумывая, оставила сцену, чтобы быть рядом с любимым. Ездил вместе с ним в экспедиции, ведя беспокойную жизнь на чемоданах. Они исколесили всю страну, особенно любили Кавказ, заведя там большое количество друзей.

Я уже была замужем, когда однажды позвонила мама и предупредила, что они уезжают недели на три, а возможно и дольше. А я просто ответила:

– Ну, счастливо! Когда вернётесь, позвони!

Эх, если б знать!

Погода в горах стояла отвратительная. То дождь, то ветер, а чаще и то и другое сразу. Под вечер уже подмораживало, и ждать больше времени не было. Утром караван машин не торопясь двинулся вверх по горному серпантину, строго соблюдая дистанцию и скорость. Первым полз автобус с местными геологами, затем КАМАЗ с аппаратурой, мои родители в УАЗе и ЗИЛ со снаряжением. Подъем был почти закончен, когда на последнем опасном участке у идущего вторым КАМАЗа отказали тормоза. Несмотря на отчаянные усилия шофера много-тонная груженная махина, скрежеща железом, поползла вниз. Он сделал все что мог, почти сумел прижать ее к горе, но обледеневшая дорога и потёкший ручьем щебень свели его усилия к нулю. Машина вместе с грудой камней уже скользила, набирая скорость. Поняв это, отец без раздумий резко развернул УАЗ поперек дороги, пытаясь свободной рукой вытолкнуть мать из машины... Потом я часто думала об этом. Почему она не выпрыгнула? Потому что не смогла? Или... Дорога здесь была достаточно широка для маневра, но отец хорошо знал, что в кабине рядом с водителем сидел его шестилетний сын. Груженная машина в секунды накрыла УАЗ, протавив вниз, скомкав под кузовом, и остановилась, только ударив в ЗИЛ. Удар едва не выкинул грузовик в пропасть. Выскочившие перепуганные насмерть люди сначала даже не смогли понять, что УАЗ сложило почти пополам.

Всё это рассказал мне Нодар Ксителія, водитель того самого КАМАЗа, приехавший на похороны. Тяжёлые слезы катились по его огрубевшим на ветру щекам, он неловко размазывал их большой мозолистой ладонью. Рядом с ним плакал его маленький сын.

«Пора ложиться, завтра трудный день. И послезавтра, и через два дня... Да, нашла себе занятие, нечего сказать».

Я встала, прошлась по гостиной, разглядывая творения тёткиных рук, в который раз дивясь ее мастерству. Да, тетя Юля была мастером с большой буквы. Чего стоит бархатная скатерть с атласными аппликациями, расшитая бисером и стеклярусом, или панно «Царевна Лебедь»! Это было настоящее произведение искусства. Тетка работала над ним почти год, готовя подарок на юбилей маме. Вылепленная из специального разноцветного пластилина сияла прекрасная луноликая Царевна. В ногах у нее простирал крылья белоснежный лебедь. Крылья его плавно переходили в платье царевны, казалось, что они составляют одно целое – прекрасный волшебный цветок. Часть пластилина была закрыта настоящими перьями и стеклярусом. Низ панно украшали разноцветные камушки, словно выброшенные на берег волной

ракушки, сверкала выложенная стеклянными бусинами корона, во лбу царевны горел желтый прозрачный камушек, вытащенный из специально купленной брошки.

Мама, увидев этот фантастический подарок, просто потеряла дар речи. Потом она долго и тщательно выбирала для него место и успокоилась, купив, в конце концов, раму со стеклом, чтобы на царевну не попадала вездесущая пыль.

Сев на краешек дивана, я любовно взяла в руки небольшую диванную подушку. Это тоже была теткина работа, и здесь тетя Юля превзошла саму себя. Подушка напоминала фантастический одуванчик, неизвестным образом оказавшийся в городской квартире.

Я поднялась, аккуратно поправила подушки, как любила их раскладывать мама, и пошла в папин кабинет.

Крадясь на цыпочках мимо храпящего телохранителя, я только собралась покачать головой, как неожиданно замерла от непонятного предчувствия. В следующее мгновение я поняла, что Саша не спит, а, держа в руке пистолет, неслышно отодвигает раскладушку от двери. Заметив, что ручка входной двери вдруг плавно поползла вниз, я испуганно закусила кулак, чтобы не закричать. Подняв глаза на Сашу, увидела, что он знаком велит мне уйти из холла. Я осторожно вошла в спальню, где обнаружила Юльку. Она дрыхла как сурок и сладко посапывала. Возмущившись такой несправедливостью, я было решила ее разбудить, чтобы не трястись в одиночку, но вовремя сообразила, что спросонья она может зашуметь. Поэтому, молча погрозив спящей подружке кулаком, я прильнула к приоткрытой двери. В замочной скважине чуть слышно шуршал ключ. Наконец дверь тихо дрогнула и начала медленно приоткрываться. В образовавшуюся щель ударил свет фонарика. Саша, стоящий сбоку от двери, напрягся, готовясь, как я понимала, оглушить пришельца пистолетом. Дверь еще больше приоткрылась, луч забегал по стенам холла, и в щель вдруг просунулась... скалка.

От неожиданности и любопытства я высунула голову из-за двери. Я могла ожидать чего угодно, но чтоб вот так... Между тем вслед за скалкой показалась рука, сухонькая и маленькая. Я, поняв, в чем дело, крикнула метнувшемуся к руке Саше:

– Нет!

Слава богу, реакцией он обладал завидной, сумев правильно среагировать на мой голос, иначе с рукой бабе Глаше пришлось бы проститься. Облегченно вздохнув и утерев со лба пот, я подошла к двери и распахнула ее. Саша зажег свет. Передо мной со скалкой наперевес стояла бесстрашная баба Глаша и подслеповато щурилась, стараясь меня разглядеть.

– Ты ли, Алька? – раздался знакомый с пеленок голос, и я отозвалась:

– Конечно! Кому ж еще быть? А ты, баба Глаша, как была партизанкой, так и осталась!

Баба Глаша согласно кивнула, деловито осмотрела холл, увидела Сашу, раскладушку и подозрительно спросила:

– А это что еще за бугай?

Саша ответил ей хмурым взглядом и незаметно убрал за спину оружие. Сразу стало ясно, что они друг другом, мягко говоря, недовольны.

– Что же ты, баба Глаша, не узнала? Это ведь Саша, у Андрея Дмитриевича работает. Помнишь, он еще с тетей Юлей нам помогал, перевозил ее?

Баба Глаша на секунду задумалась, потом еще раз окинула взглядом сердитого Сашу и сказала:

– А! Как же! Теперь вспомнила! И, правда, Саша! Александр Васильевич, да?

Саша кивнул.

«Ну, бабуся! – с некоторой завистью подумала я. – Я сама его отчество только сегодня узнала. А она не только знала, но еще и вспомнила через столько лет!»

Баба Глаша деловито засеменила на кухню, мы с Сашей за ней. Я вдруг обнаружила, что у меня трясутся ноги, поэтому быстренько села на стул. Глянув на бабу Глашу, я укоризненно покачала головой:

– Ты, честно сказать, нас порядком напугала! Чего это таким лихим способом сюда пробиралась? Позвонила бы.

– Эва, брякнула! Позвонила! Да пока бы я звонила, все ворюги уже бы сгнули. Ищисвищи!

– Ну да! А ты на них, значит, со скалкой? В рукопашную?

– Да я б их всех, мать их растак! Ночью по чужим квартирам шарить! – Баба Глаша воинственно сверкнула глазами. – Не на ту нарвались!

Саша уже не дулся, он с интересом следил за нашей поздней гостьей, пряча улыбку в кулак.

– Чайку, баба Глаша? – спросила я, с трудом сдерживая зевоту.

– Да не... Какой чаек? Время-то... А чего вы сами-то поздно приехали? Да ты и не позвонила? Раньше всегда звонила, приеду, мол.

– В спешке все вышло, не успела. Завтра уедем. Баба Глаша, ты знаешь... ты недельку-другую не заходи, отдохни. А подозрительное чего увидишь, сама не суйся, ни в коем случае. Договорились?

Баба Глаша задумчиво пожевала губами, покачала головой:

– Ты, Алевтина Георгиевна, не мудри. Скажи, как есть. Неча тут тайны разводить... В чем дело-то?

– Все в порядке, не волнуйся. Через пару недель еще заеду, тогда и поговорим.

Проводив бабу Глашу, мы с Сашей переглянулись и засмеялись.

– Ну и бабуся! – Саша улыбался, потом вдруг перестал и добавил: – Вот бы я ее зашиб, а?!

Он даже посерел от подобной мысли. Я поспешила его успокоить:

– Не беспокойтесь, Саша. Это только кажется, что эту старушку легко прибить. Она ловчее другого мужика будет. Она ведь, правда, в партизанском отряде была. Девчонкой совсем молоденькой. У нее вон целая коробка орденов да медалей. И снайпером была. Вот на вашем счету сколько душ? Э-э! То-то! А у бабуся – девятнадцать!

Это известие окончательно доконало несчастного Сашу, и он со вздохом улегся на раскладушку. Бедняга затрещала и застонала, а я подумала:

«Держись, бабуся!»

Дверца канареечной клетки никак не хотела запираться. Я злилась, но неподатливая проволока выskalзывала из рук. Петля задвижки выskalзывала из пазов, словно смазанная маслом. Закусив губу, я отбросила с потного лба прилипшую челку. Большая красно-оранжевая канарейка, укоризненно глядя на меня сверху вниз черными глазками-бусинками, осуждающе качала головой и вздыхала.

«Ну вот, – подумала я. – Каждая шмакодявка будет еще головой качать!»

Я-то прекрасно понимала, что она только и ждет, чтобы я отошла. А она фить – и готово! Ловите меня! Не выйдет! Я выразительно посмотрела канарейке прямо в глаз и сказала:

– Фигушки!

– Да ладно тебе, Алевтина! – примирительно сказала канарейка.

Я раскрыла рот, потому что никогда не сталкивалась с говорящими канарейками, ладно там попугай или хотя бы ворона. А тут...

– Алевтина! – настаивала канарейка. – Алевтина!

Закрыв руками уши, я затрясла головой, но все равно было слышно:

– Алевтина! Алевтина! Аля!

Я открыла глаза и сразу зажмурилась. Солнечный свет, отраженный от напольных часов с маятником, стоящих в гостиной, ослепил меня в первое мгновение. Я приподняла голову, затем открыла один глаз.

– Ну, ты даешь! – Я, наконец, разглядела Юльку, стоявшую рядом.

Сама же я почему-то находилась в кресле.

– Ты теперь разогнешься, дорогая? – поинтересовалась подруга и была права.

Эта процедура давалась мне с таким трудом, что Юлька начала надо мной хихикать.

– Ольга Корбут, да и только! Тебе на печке надо лежать, гимнастка несчастная! Чего ты в кресле спать-то улег... уселась?

Вопрос был не в бровь, а в глаз. Постелила же я себе в кабинете на диване? Тут я вспомнила наше ночное приключение и ополчилась на Юльку:

– Кто на печке лежал, это еще надо выяснить! Мы с Сашей всю ночь оборону держали, а некоторые всю ночь прохрюкали. Ни стыда, ни совести!

Юлька несколько озадачилась, сдвинула брови и поинтересовалась:

– Как это, дорогая, оборону? Это ты на что намекаешь? На... комплектацию?

– Вот корова и извращенка! – рассердилась я, барахтаясь в кресле. – В глупой голове и мысли глупые! Сейчас вот встану – получишь в глаз.

Подруга переместилась на пару шагов назад и пропела:

– Ох! Ты встань сначала!

Пока я распрямляла затекшую спину, Юлька вертелась вокруг меня ужом и ныла:

– Ну, Алечка! Ну, в чем дело-то?

Наконец я выпрямилась, с презрением глянула на Юльку, вздохнула и, сжалившись, рассказала ей ночную историю. Услышав про скалку, она принялась хохотать, держась за живот. Глядя на нее, я тоже засмеялась. Успокоившись, она спросила:

– Ну а в кресле-то зачем спать?

– Да, честно сказать, я и сама не пойму. Так переволновалась... Помню, вроде сюда села... Видно, не заметила, как уснула. Вот ночка, не приведи господи!

В дверях раздалось деликатное покашливание. Мы оглянулись и увидели Сашу.

– Я стол накрыл. Времени уже много, надо бы поспешить.

– Да, Саша, идем, – откликнулась Юлька, и мы отправились умываться.

За столом все молчали, настроение было так себе.

– Ну, ребятки, – сказала я, увидев, что они расправились со скромным завтраком. – С богом!

Они суетливо поднялись, пошли в коридор. Я за ними. Саша взял вещи, кивнул мне на прощание. Погрустневшая Юлька повернулась и, пряча глаза, попросила:

– Алюшка, ты поаккуратнее, ладно?

– Ладно! – Я обняла ее и поцеловала. – Все будет в порядке. Как всегда!

Проводив ребят и закрыв дверь, я подошла к окну и, прижавшись лбом к стеклу, наблюдала, как они садятся в Сашину машину. Вскоре белая «девятка» скрылась за углом дома, я несколько минут смотрела, не тронулся ли кто за ними. Но двор был пуст, лишь дворничиха скребла метлой по асфальту. Успокоившись, я присела на диван и стала планировать свой день.

Самое главное, что меня беспокоило, лежало в замшевом мешочке с витыми шнурками.

«Выйти, что ли, во двор, закопать?»

Не самое умное, конечно. В электрощит? А вдруг кто сунется по надобности? Нет, все это не подходит... Я с раздражением оглядывалась вокруг. Время уходит, необходимо придумать что-либо, причем что-то умное. Неожиданно в голову пришла оригинальная мысль.

«Ого-го! – я мысленно рассмеялась. – Не зря мы были пионерами!»

Аэропорт привычно оглушил шумом взлетающих самолетов и сотнями возбужденных голосов. Очутившись в большой толпе, я чувствовала себя уверенно. В запасе еще было немного времени. Побродила по залу, стараясь определить, не интересуется ли мной кто-нибудь. Таковых вроде не нашлось. Купила в книжном ларьке пару детективов и отправилась на таможенный контроль.

Пройдя в салон самолета, вспомнила, что должна здесь встретиться с месье Антуаном Дюпре. Его место должно быть рядом с моим. Сердце ёкнуло – неужели вон тот широкоплечий блондин? Так пристально меня разглядывает, с интересом... Что за веники зеленые, у него не тот ряд... А мой-то где? Так, вот... А место... Я повернулась к своему законному месту и едва не вскрикнула. Место у иллюминатора занимала дородная мадам в возрасте, а рядом... Восторженно глядя на меня, растянув в улыбке губы до ушей, сидел маленький худенький мужчинка с черными глазками-угольками. Ростом, я думаю, он был чуть больше Юльки. Теперь-то я поняла, что имела в виду Ленка, небрежно бросив: «Он не в ее вкусе». Да уж, разговор о вкусах здесь и не шел.

– Здравствуйте! – машинально брякнула я, присаживаясь.

– Зтравствуйте, зтравствуйте! Ви – мадам Алья? Я понять, как только вас увител! Мадам Елейна была права, ви ошень красиви!

Это мне польстило, но ненамного облегчило страдания. Француз меж тем говорил без умолку. Порой я не понимала, что он говорит, но согласно кивала головой, изображая, что прислушиваюсь. Минут через сорок я трогательно прижала руки к груди, объясняя, что мне необходимо отлучиться. Зайдя в туалет, я прислонилась спиной к двери и закрыла глаза. От месье Антуана Дюпре у меня начала звенеть голова. Как быть? Подойти к креслу, броситься плашмя и начать храпеть? Чертовы иностранцы, вечно у них все не как у людей. Выйдя тихонько из туалета, я, пробираясь к своему креслу, бросила тоскливый взгляд на блондина. Дойдя до места, увидела, что мой француз оживленно разговаривает с соседкой. Мадам ничем не уступала ему в жестикуляции, энергично трясла головой и все время повторяла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.